

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**ХIII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
(19 октября 2016г.)**

г. Санкт-Петербург- 2016
© Научный журнал "Globus"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XIII международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2016. – 64с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал "Globus"

Электронная почта: info@globus-science.org.ua

Официальный сайт: www.globus-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бахарева Анна Юрьевна ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-КИНОЛОГОВ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	4
Федоровский Юлий Рудольфович ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДОНБАССА В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»	9

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Оборский Алексей Юрьевич, Яковлева Анастасия Дмитриевна ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	14
Реймген Ю.В., Оборский А.Ю. ВЫБОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ	20
Швачкина Людмила Александровна ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЁННОГО КАК АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ	23

ФИЛОЛОГИЯ

Буриханова Нигина Башировна ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	30
Хасанов Ришат Фаукатович ДОКУМЕНТАЛИЗМ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В БАШКИРСКОМ РОМАНЕ	33
Журавлев Игнатий Владимирович ПРОБЛЕМА ЗНАКА И ЗНАЧЕНИЯ В ОБЩЕЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	39
Ширинова Раима Хакимовна ВОПРОС ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕВОДА.....	43

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Апаева Сабина Шабановна СОЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	49
Мельниченко Анастасия Александровна КРИТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ПАТЕРНАЛИЗМА	52
Сайдакова Елена Александровна. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМЕ ВРЕМЕНИ.	55

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-КИНОЛОГОВ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Бахарева Анна Юрьевна

Российская таможенная академия, г.Люберцы, аспирант

Аннотация

В статье рассматривается история возникновения кинологических подразделений в таможенных органах России, история создания Единого центра подготовки специалистов-кинологов, вклад Центральной таможни (Кинологического центра ФТС России) в профессиональную подготовку специалистов-кинологов таможенных органов.

Ключевые слова: *профессиональная подготовка специалистов-кинологов; Центральная таможня; служебная собака; таможенные органы.*

Организация эффективного противодействия опасным преступлениям, в частности национализма, сепаратизма, международного терроризма, наркотрафика и других остается, как и прежде, актуальной для российского государства и общества. Одним из важных элементов, вносящих существенный вклад в дело предотвращения, пресечения, раскрытия и расследования опасных преступлений являются кинологические подразделения [5, с.5].

Собаки начали применяться для борьбы с уголовной преступностью в России со второй половины XIX века. В 1906 году при поддержке директора Департамента полиции М.И. Трусевича и министра внутренних дел России П.А. Столыпина создается «Российское общество поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе». В общество входило около 300 членов по всей России, главным образом крупных чиновников и полицейских.

12 (25) июня 1909 года в Санкт-Петербурге состоялось открытие первого в России питомника полицейских сыскных собак, на базе которого была создана школа дрессировщиков. Этот питомник стал первым кинологическим подразделением МВД России.

Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы и другие источники, таможенной стражей для охраны государственной границы России служебные собаки стали применяться во второй половине XIX столетия. Стоит отметить, что 15 (27) октября 1893 года Александр III подписал указ правительствующему Сенату о выделении Отдельного корпуса пограничной стражи из состава Департаментов таможенных сборов с подчинением его Министерству финансов. Данный указ обозначил разделение функций таможенной стражи и пограничного надзора [7, с.10]. Служебные

собаки стали применяться именно при несении службы по пограничному надзору [3, с.204].

Изучение документов и иных источников показало, что к вопросу об использовании собак в таможенных органах вновь вернулись в конце XX века. Кинологическая служба органов Государственного таможенного контроля создана по Постановлению Совета Министров СССР от 4 ноября 1987 г. №1251-304. Ее главной задачей являлась организация применения специально подготовленных для поиска наркотиков служебных собак. На базе имеющегося зарубежного опыта была сформирована структура управления, принципы подготовки и работы специалистов-кинологов, подбора собак, их содержания, обучения и тренировки на поиск наркотиков [4, с.7].

В ходе исследования установлено, что кинологические подразделения стали создаваться таможенных органах в связи с возложением на них в 1991 году функции борьбы с контрабандой и другими нарушениями таможенных правил [8]. Однако единого центра подготовки специалистов-кинологов и служебных собак в структуре таможенных органов не существовало.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что решение о создании единого самостоятельного централизованного центра, объединяющего специалистов-кинологов таможенных органов России было принято руководством таможенной службы Российской Федерации в 2003 г. [6].

В ходе исследования установлено, что подготовка специалистов-кинологов стала осуществляться лишь с 2005 года в Центральной таможне (Кинологическом центре ФТС России). На базе Центральной таможни стало осуществляться обучение должностных лиц таможенных органов, а также переподготовка и повышение квалификации. Первый выпуск специалистов-кинологов, прошедших подготовку в Центральной таможне, состоялся уже в 2005 году и насчитывал 30 человек. Реализуя свое предназначение по подготовке специалистов – кинологов за десять лет было подготовлено 1181 человек, о чем наглядно свидетельствуют данные отдела подготовки кадров (Таблица 1).

Таблица 1

Обучение должностных лиц Кинологической службы ФТС России и государств-членов СНГ с 2005 по 2014 год

Год обучения	Переподготовка (кол-во чел.)	Повышение квалификации	Итого (чел.)
2005	40	13	53
2006	41	37	78
2007	49	44	93
2008	57	21	78
2009	94	30	124
2010	87	51	138
2011	67	93	160
2012	37	122	159
2013	33	130	163
2014	31	104	135
ИТОГО	536	645	1181

В момент формирования Кинологического центра перед коллективом Центральной таможни были поставлены ответственные и неотложные задачи. Прежде всего разработать программы по подготовке специалистов-кинологов, издать соответствующие методические пособия, укомплектовать учебно-материальную базу и оснастить материально-техническую базу. Как показало исследование, сотрудники таможни стали активно участвовать в организации и проведении научно-исследовательских работ, научно-практических конференций и семинаров, соревнований различного уровня, работ по оснащению материально-технической базы, обустройству инфраструктуры и иных мероприятий, направленных на совершенствование теоретических, методических и организационных основ кинологической службы в таможенных органах. Мы убеждены, что с момента формирования Центральной таможни (Кинологического центра ФТС России) начался принципиально новый этап по подготовке специалистов-кинологов в таможенной службе Российской Федерации.

Сегодня все приведено к единой системе: в каждом федеральном таможенном управлении появились свои службы собак. Есть таможни, которые напрямую, как и Центральная таможня (Кинологический Центр) в Щелковском районе, подчиняются ФТС России – это Шереметьевская, Внуковская, Домодедовская, там свои кинологические подразделения [1, с.21].

Подготовка специалистов-кинологов и служебных собак проводится в учебном центре Кинологической службы ФТС, оборудованной на сегодняшний день с учетом последних требований и рекомендаций. Последнее нововведение в процессе обучения - площадка оборудованная специаль-

ным экраном. Во время работы кинолога и служебной собаки в салоне транспорта, будь то вагон поезда или салон самолета - остальные обучающиеся видят происходящее на экране (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Экран

Отметим также, что в 2012 году в г. Брюссель (Бельгия) состоялась церемония присвоения Центральной таможне (Кинологическому центру ФТС России) статуса регионального Кинологического центра Всемирной таможенной организации [2, с.21].

«Региональный учебный кинологический центр был спроектирован и построен таким образом, чтобы стать площадкой для подготовки повышения квалификации не только российских коллег, но и специалистов со всего мира. ФТС России внесла огромный вклад в развитие мирового таможенного сообщества» - отметил Генеральный секретарь Всемирной таможенной организации Кунио Микурия во время прохождения второго Всемирного кинологического форума [9, с.7].

С момента образования Кинологической службы и до настоящего времени для оказания помощи в организации работы сотрудники Центральной таможни выезжают в региональные кинологические органы, где контролируют деятельность специалистов-кинологов, оказывают методическую и организационную помощь.

В настоящее время профессиональная подготовка должностных лиц кинологических подразделений также осуществляется в региональном кинологическом центре ФТС России – г. Майкоп Южного таможенного управления. Региональные кинологические центры сегодня строятся в Приволжском и Дальневосточном таможенных управлениях.

Необходимо отметить, что на базе Центральной таможни (Кинологического центра ФТС России) постоянно проводится изучение и анализ современных подходов в области дрессировки служебных собак, их поведения. Собирается и анализируется материал о случаях сокрытия наркотических средств наркокурьерами, появления новых наркотических средств и т.п. В качестве экспертов по различным вопросам привлекаются

специалисты различных отделов Центральной таможни и ученые Российской таможенной академии и иных ВУЗов.

Таким образом, впервые в истории кинологической деятельности таможенных органов была создана единая структура во главе с Центральной таможней, объединяющая и координирующая деятельность кинологических подразделений таможен России. После образования Кинологической службы ФТС России работа по развитию кинологии в таможенных органах получила новый импульс.

Список литературы

1. На запах. Ольга Панкратова. // Газета «Подмосковье», 28 декабря 2005, С.21.

2. Об организации Регионального учебного кинологического центра Всемирной таможенной организации : Приказ ФТС России от 15.08.2013 г. №1422, архив ОДО Центральной таможни (Кинологического центра ФТС России), дело №8, С.21.

3. Пограничная кинология России : 110 лет на службе по охране государственной границы / К. Н. Маслов, Ю. Ф. Кашлев, В. В. Терещенко и др.; Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Центр оперативно-пограничных исследований. – М. : Издательский дом «Граница», 2005. – 448 с.,

4. Подготовка инспекторов-кинологов и дрессировка служебных собак: Учебно-методическое пособие. – Владивосток: ВФ РТА, 1999. – 100 с.

5. Подготовка специалистов – кинологов органов и организаций, осуществляющих комплексное обеспечение безопасности. В.В. Гурдин : Учебное пособие. – М. : УЦ Перспектива, 2013 г. – 146 с.

6. Приказ Государственного таможенного комитета от 27.05.2003 №576 «О создании Центральной таможни (Кинологического центра ГТК России)» [электронный ресурс]. – М. [2013]. – Режим доступа : www.consultant.ru.

7. Справочник кинолога : (для сотрудников силовых ведомств) О. А. Шавров [и др.] ; [гл. ред. Н. Ф. Самохвалов], Москва : Объед. ред. МВД России, 2010. – 252 с.

8. Таможенный кодекс СССР УТВ. ВС СССР от 26.03.1991 №2052-1 [электронный ресурс]. – М. [2013]. – Режим доступа : www.consultant.ru.

9. Форум зовет гостей. Оксана Герасютина. // Таможня: информ.-аналит. обозрение, 2013. - №12 [323] – С.7-9.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДОНБАССА В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Федоровский Юлий Рудольфович

доцент, кандидат исторических наук,

Луганский национальный университет имени В.Даля, Луганск

Многие процессы, которые мы наблюдаем в сегодняшнем мире, имеют свои истоки в событиях конца прошлого века – периода развала СССР.

Непродуманные и неуклюжие «реформы» последнего руководителя СССР М.Горбачева в конце 1980-начале 1990-х гг привели к резкому снижению поступлений в госбюджет и росту недовольства народных масс из-за повышения цен [4, с.199-200]. Поэтому лозунг «ускорения» с 1987 года начал вытесняться новым лозунгом «перестройки», под которым этот период и вошел в историю. Постепенный развал промышленности и сельского хозяйства, брошенных в стихию «самофинансирования» катализировал подъем народного недовольства, начавший приобретать антигосударственный, антисоветский и зачастую националистический характер.

В 1989 начались забастовки шахтеров, быстро оседланные представителями новых политических организаций, резко оппозиционных к существующему строю. Хотя основные требования касались экономических вопросов, звучали и политические требования. Например, стачком Ворошиловградской области требовал отставки ряда чиновников, а в Стаханове, Кировске и Брянке бастующие добились отставки руководителей этих городов [2, с.190].

Недооценка национального вопроса, который, как считалось в СССР, был давно и успешно решен, и запаздывание закостенелого бюрократического аппарата в разработке новой национальной политики привели к тому, что в союзных Республиках инициативой завладели национал-сепаратистские силы, которые разожгли в 1988-1989 кровавые конфликты на Кавказе и в Средней Азии. На Украине эти силы выступали под лозунгами «національного відродження». В 1987 во Львове возникли «Товариство Лева», Украинский культурологичный клуб, в 1988 возобновила деятельность «Українська Гельсинська Спілка» во главе со старым диссидентом Левко Лукьяненко, в 1989 в Киеве на базе Союза Писателей Украинской ССР возникло «Народное движение за перестройку» («Рух»), во главе которого встал писатель И.Драч, вскоре замененный диссидентом В.Чорновилом. Разгул «гласности» на практике привел к огульному охаиванию и очернению вообще всего Советского периода. В национальных республиках это выливалось в модную русофобию с перманентным клеймением СССР как «империи зла».

На Луганщине также начался расцвет деятельности «неформалов»: возникли Комитет перестройки в Луганском пединституте, клуб «Диалог» в Машиностроительном институте, «Апрель-85» в Стаханове, Совет содействия перестройке в Алчевске, позже Луганское городское историко-

просветительское общество «Мемориал» (декабрь 1989). Дополнительным катализатором послужили выборы народных депутатов СССР в 1989 году, которые 1 секретарь Луганского обкома КПУ И.Ляхов проиграл [3, с.373-374].

Национальное крыло представляли созданные в 1989 организации «Товарищества украинской мовы «Просвита»: 4 марта областная во главе с учителем-краеведом Б.Пастухом и 9 сентября городская во главе с А.Неживым. В августе 1989 во время акции «Дзвін за природу, мову й душу» впервые на Луганщине появился желто-синий украинский флаг. В 1990 сформировались областные ячейки националистических партий: Народного Руха, Украинской республиканской (бывшая УГС) и Украинской партии демократической платформы [3, с.374-375]. Начало возрождаться казаческое движение, с самого начала расколовшееся на украинское (Е.Петренко, А.Дудник, Н.Дураков) и Донское (В.Федичев, В.Герасимов, М.Рыльщикова, А.Кудаев).

В противовес националистам начали зарождаться движения просоюзного, интернационалистического характера. В ответ на исторические изыски «руховских» деятелей, донбасские историки вспомнили о Донецко-Криворожской Республике 1918 года, которая плавно трансформировалась в идею Донбасской автономии. В 1991 в Донецких газетах появились статьи енакиевского активиста В.Чередниченко, народных депутатов СССР А.Бойко и В.Гончарова, академика В.Мамутова, которые обосновывали необходимость создания «Донецкой федеративной земли». Наиболее активно эту идею отстаивала общественная организация «Интернациональное движение Донбасса» (ИДД), возникшая 18 ноября 1990 на базе Донецкого Интерфронта во главе с Дмитрием Корниловым и Виталием Заблоцким [1].

В Луганской области с аналогичными идеями выступали члены Движения «Демократический Донбасс» (Владислав Карабулин), Народного Движения Луганщины (Валерий Чекер), Историко-культурного общества «Возрождение» (Борис Локотош). **В.Чекер заявлял: «Наше движение выступает за автономию в рамках Украины, конечно, если республика подпишет союзный договор. А если этого не произойдет, тогда речь может идти лишь о переходе в юрисдикцию РСФСР».** В сентябре 1991 в луганской газете «Молодогвардеец» вышла статья члена оргкомитета ДДД Г.Литвака с призывом к депутатам региона всех уровней провести Донецкую Ассамблею и принять решение об образовании республики Малороссии (Донецкая и Луганская области с центром в Луганске), с выходом ее из состава Украины условно. В случае, если Украина выйдет из состава СССР – остаться самостоятельным государством, если нет – Малороссия станет «автономией и будет в украинском парламенте защищать свои интересы, а не плясать под Киево-Галицкую дудку». Правда, на учредительном собрании ДДД часть делегатов осудила такой радикализм и в итоговом «Обращении к гражданам Украины» и Программе ДДД ограничилось

требованием закрепления в новой Конституции Украины федеративного устройства и проведения областных референдумов по предоставлению Донецко-Криворожскому краю статуса автономии [5].

Пытаясь сдержать национал-сепаратистов, Союзное руководство провело 17 марта 1991 года всенародный референдум о судьбе СССР. Однако, руководство УССР во главе с искушенным политиком Л.Кравчуком добавило к общесоюзному вопросу о сохранении СССР свой республиканский: о вхождении Украины в Союз суверенных государств на основах Декларации о суверенитете. Понимая цели подвоха, Интердвижение Донбасса призывало своих сторонников ответить «да» на вопрос союзного референдума, а республиканский игнорировать или бюллетени унести с собой. Однако это была единственная организация на весь СССР, предлагавшая такой вариант, в то время как правящая КПСС предложила отвечать положительно на оба вопроса. Результат был прогнозируемый: За сохранение Союза высказались 77,85% проголосовавших (на Украине этот показатель составил 70,2%), за поддержку Декларации о суверенитете – 80,2%.

Решительным переломом стали события августа 1991 года, вошедшие в историю под названием «выступления ГКЧП». Произошло практически мгновенное обрушение и ликвидация Союзных структур. 24 августа Л.Кравчук написал заявление о выходе из КПУ-КПСС и в тот же день внеочередная сессия Верховной Рады приняла «Акт провозглашения независимости Украины». «Против» проголосовал только один депутат – дончанин Альберт Корнеев. Следующим шагом 26 августа был принят Указ «О временном прекращении деятельности Компартии Украины». Тогда же был снесен памятник Ленину в центре Киева, а в зал Верховной Рады внесен еще не узаконенный сине-желтый национальный флаг.

После удаления с политического поля Компартии фактически Интердвижение осталось единственной организацией Донбасса, выступавшей против разрыва союзных отношений, отчётливо озвучивавшей идею региональной самобытности края, автономии, хотя бы и в рамках Украины. 28 августа Центральный Совет ИДД принял Заявление «Об общественно-политической ситуации», в котором выражалась «тревога в связи с тем, что Донбасс может стать ареной серьезных столкновений различных политических сил» и поэтому до 1 декабря 1991 г. здесь должен быть проведен референдум о предоставлении Донецкой области статуса автономии в составе УССР. В документе подчеркивалось, что ИДД «не мыслит себя в отрыве ни от Украины, ни от России». После этого выступления на Интердвижение обрушилась волна обвинений в «сепаратизме» [5].

Осенью 1991 года в Донбассе имело место жесткое противостояние организаций, выступающих «за» и «против» федерализации. С одной стороны, это ИДД, Движение «Демократический Донбасс», Демократическое Движение Донбасса «Братство», Народное Движение Луганщины, общество «Возрождение»; с другой – областные организации УРП, Демократической партии Украины, Партии демократического возрождения Украины,

Народного Руха, Общества украинского языка имени Т.Шевченко, Союза украинской молодежи. Противостояние выразилось в различных формах: распространении листовок, принятии обращений и заявлений, выступлениях на страницах периодической печати, митингах, организации пикетов местных органов власти. Причем зачастую употреблялись весьма жесткие выражения, носящие оскорбительный характер: «сепаратисты-большевики, подкидывающие идею создания аппаратной республики», «перекрасившиеся партократы, ярые националисты, ненавидящие все русское». На заседании Регионального Союза стачкомов Донбасса обсуждалась идея автономии, «протаскиваемая прокоммунистами в рабочее движение», однако отмечалось, что федерализм «заслуживает внимания». В Обращении городской организации ДемПУ г.Кировское Донецкой области заявлялось, что «сепаратисты стремятся к созданию коммунистического заповедника» в Донбассе и потому разжигают межнациональную рознь. Аналогичным было Обращение Луганской краевой организации НРУ к областному Совету: «націонал-шовіністи» из ДДД обвинялись в призывах к образованию «сепаратистських князівств на зразок Донецько-Криворізької республіки, що провокує населення східних регіонів України до міжнародної конфронтації». Под лозунгом: «Нет – Донецкой Аппаратной Республике!» 8 октября националисты пикетировали Донецкий облсовет, в то время как на центральной площади Донецка члены Интердвижения проводили сбор подписей в поддержку автономии. Сессия приняла Обращение в Верховный Совет Украины с предложением внести в новую Конституцию положение о федеративном устройстве государства [5].

26 октября 1991 в Донецке состоялось совещание народных депутатов всех уровней Юга и Востока Украины, к которым обратились делегаты учредительной конференции ДДД «Братство» с призывом поддержать идею федерализма, которая дает возможность «сохранить историческую, экономическую, национально-культурную самобытность регионов». Совещание открыл председатель Донецкого облсовета Ю.Смирнов и его участники почти единогласно приняли Обращение к народу и Заявление Верховному Совету Украины, в котором, в частности, говорилось: «Внести положение о федеративно-земельном устройстве Украины в концепцию и в проект Конституции» [5]. 5 ноября Мариупольский горсовет, первый на Украине принял решение о введении на территории города официального русско-украинского двуязычия.

Стремление к перераспределению полномочий в рамках федерализации или автономизации были продиктованы элементарной обеспокоенностью общественных сил региона перспективами насильственной украинизации, всплеск национал-экстремизма, разрыва хозяйственных связей с республиками Союза, что пагубно отразится на экономике промышленного региона. Для успокоения данных настроений в рамках массовой «антисоюзной» пропаганды, развернутой осенью на территории страны Л.Кравчук обнародовал Обращение «К русским соотечественни-

кам», а Верховная Рада приняла «Декларацию прав национальностей Украины», гарантирующую равные политические, экономические, социальные и культурные права всем этническим группам, проживающим на Украине. Единственной политической силой, выступившей с призывом сказать «Нет» на референдуме 1.12.1991, и даже выпустившей соответствующую листовку, оказалось Интердвижение Донбасса. Донецкий исследователь Алексей Иванов весьма удачно назвал эти события «Арьергардные бои Красной Империи» [1].

Список литературы

1. Иванов А. Донбасс против нацизма: очерки из новейшей истории Украины. 13.01.2010. Однако: сайт. - URL: <http://www.odnako.org/blogs/donbass-protiv-nacizma-ocherki-iz-noveyshey-istorii-ukraini/> (дата обращения: 4.10.2016)
2. Бунтовский С.Ю. История Донбасса. – Донецк: Донбасская Русь, 2015. – 402 с.
3. История Луганского края. Под ред. В.С.Курило. – Луганск: Альма-матер, 2003. – 430 с.
4. Отечественная история (конец XIX – начало XXI века): курс лекций. – М.: РГТЭУ, 2009.- 432 с.
5. Болбат Т.В. Проблема государственного устройства Украины в деятельности общественных организаций Донбасса в начале 1990-х гг. // Наука, релігія, суспільство. -2005. - №1.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Оборский Алексей Юрьевич

доцент, кандидат философских наук, доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, город Москва

Яковлева Анастасия Дмитриевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, город Москва

***Аннотация:** В статье анализируются различные подходы к исследованиям современного состояния социально-экономического положения России и прогнозы на ближайшую перспективу. Приведены примеры исследований отечественных и зарубежных ученых, являющихся не вполне точными и достоверными, но активно используемых для формирования общественного мнения в части состояния социальной справедливости и качества жизни в современном российском обществе.*

За последние несколько лет вокруг России сконцентрировано повышенное внимание практически всех международных новостных изданий. Более того, политические темы набирают популярность в интернет-среде. Нужно отметить, что такая атмосфера особенно благоприятна для людей с оппозиционными властям взглядами, ведь проверить достоверность фактов и аргументов, в огромном потоке информации, среднестатистическому гражданину практически невозможно, а значит, можно манипулировать общественным мнением.

Известно, что согласно соцопросам, действия властей поддерживаются большинством населения и искреннего желания смены власти граждане РФ не имеют [11]. Например, по данным на 11 сентября 2016 г., согласно данным экспресс-опроса, приведенным на официальном сайте «ФОМ», где еженедельно измеряются ответы на вопрос о том, за кого бы россияне проголосовали на президентских выборах «в ближайшее воскресенье» 58% опрошенных готовы отдать свой голос за В.Путина [3]. Тем не менее, существует ряд экспертов и исследований, желающих изменить мнения россиян на этот счет.

Летом 2014 года Игорь Чубайс – российский философ и социолог, доктор философских наук, автор многих научных и публицистических работ дал интервью Дмитрию Быкову, в котором заявил, что: «В 90-е вместо класса собственников создавался слой олигархов с одной стороны и бомжей – с другой, национальное достояние сосредоточилось в руках нескольких сот семей, сегодня разрыв между доходами десяти процентов самых обеспеченных и десятью процентами обездоленных – стократный. А в Европе нормой является дифференциация в шесть-семь раз» [9].

Нужно сказать, что ко мнению И. Чубайса прислушиваются многие, в частности, он частый гость политических программ на радио «Эхо Моск-

вы», телеканале «Дождь» и «Russia Today». У него берут интервью газеты «Обозреватель», «Собеседник», а цитаты из этих интервью охотно используют в других интернет-изданиях. Таким образом, статистика и данные, используемые им в собственных речах, создают в массовом сознании граждан неверные и гиперболизированные представления о неравенстве в России.

Стоит отметить, что децильный коэффициент, или отношение доходов 10% богатейших к 10% самых бедных находится в свободном доступе и рассчитывается как российскими, так и западными специалистами. Так, взглянув в отчет ООН, можно заметить, что доходы 10% богатых и 10% бедных в России отличаются не в 100 раз, как об этом говорил И. Чубайс, а в 11 [12]. По оценкам отечественных специалистов ФСГС, разница между доходами 10% богатых и 10% бедных различается в 16 раз (для 2014 года), а для 2015 года в 14,5 раз [4]. В то время, как в США эта же разница в доходах составляет 18,8 раз, в Великобритании чуть меньше – 10,5 [12]. Более того, по словам И. Чубайса в Европе децильный коэффициент равен 6-7, однако это верно только для нескольких европейских стран, например, для таких, как Чехия, Норвегия, Германия. Согласно докладу ООН, в других странах Европы разрыв в доходах между 10% богатых и 10% бедных не многим меньше, чем в России. Прежде всего к таким странам относится Италия (11,6) и Великобритания (13,8). Во многих странах с развитой экономикой этот разрыв превышает российский и это такие страны, как Сингапур (17,7, что превышает не только показатель ООН для России, но и современные российские показатели ФСГС), Гонконг (17,8), Португалия (15,0) [13].

Помимо достаточно известных публицистов, о существенном разрыве между богатыми и бедными, о концентрации немислимого богатства в руках небольшого числа «элиты» России и о других «проблемах» нередко можно слышать из уст блогеров, или же просто на политических форумах. Однако, наиболее интересным в анализе подобных ошибочных высказываний является их аргументация. Так, наиболее популярным источником, на который ссылаются в подобных случаях, является исследование «Credit Suisse», проведенное в 2012 и 2013 годах. Эти данные перепечатал журнал «Ведомости», благодаря чему неправильные данные получили широкую огласку. Согласно швейцарскому исследованию, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных активов в России, а индекс Джини по богатству составляет 84% [5]. Но дело в том, что в данном исследовании допущен ряд ошибок, на которые, в свою очередь, указали многие эксперты и разобрали многие менее оппозиционные блогеры. Однако, банк проигнорировал эти сведения и в 2013 году был издан новый отчет, содержащий такие же фактические и методологические ошибки. Целесообразно разобрать их подробнее.

Первой ошибкой, бросающейся в глаза, является оценка общего богатства России в 1,3 триллиона долларов. Данная цифра является несоиз-

меримо маленькой. Интересно, что общее богатство маленького Тайваня было оценено в 2,8 триллиона долларов. Даже западные аналитики из «24/7 Wall Street» оценили стоимость одних только природных ресурсов России в 75,7 триллионов [2]. Примечательно, что и исследование «Credit Suisse» и исследование «24/7 Wall Street» были проведены в 2012 году. И даже если аналитики имели в виду только собственность граждан, цифры все равно являются неправильными. В Москве живёт 12 миллионов человек, при этом на каждого приходится 18,7 квадратных метров [10]. Средняя стоимость квадратного метра в Москве составляла на 2013г. примерно \$ 5 тысяч [7]. Получается, стоимость одних только квартир в Москве составляет триллион долларов с небольшим. Но нужно учитывать и коммерческую недвижимость, заводы, рудники, автомобили, финансовые активы и так далее. Ложность данных «Global Wealth Report» подтверждают и их данные о Сингапуре, общее богатство которого они оценили в 1 триллион долларов США.

Второй ошибкой, которую нетрудно заметить, анализируя данные таблиц, приведенные в «Global Wealth Report», является то, что богатство на взрослого россиянина оценено в 12 161 доллар, а количество взрослых россиян в 111 миллионов. Перемножив эти две цифры швейцарские аналитики получили эти 1,3 триллиона общего богатства. Однако, непонятным остается возникновение цифры равной именно 12 161 доллару. По описанию исследования, аналитики воспользовались данными о валовых финансовых активах, которые в среднем на 2012 год составляли немногим более 4 тысяч долларов на взрослого. Данных о реальных активах швейцарские аналитики не нашли и просто удвоили финансовые активы, что подтверждает выдержка из их исследования: «Финансовые балансы теперь доступны и показывают, что валовые финансовые активы в среднем составляют немногим более \$4 тысяч на взрослого. О реальных активах меньше информации, однако, наши оценки предполагают, что они примерно вдвое больше».

Третьей ошибкой, которая немного меркнет по сравнению с первыми двумя, является расчет численности населения России равным 139 миллионам, что, судя по всему, было взято из доклада Бюро Переписи США 2010 года. Не лишним будет добавить, что численность населения РФ в 2012 году на самом деле была равна 143,2 миллионам человек.

Другим авторитетным источником среди оппозиционно-настроенных, являются данные журнала «Forbes», где летом того же - 2012 года вышла статья с названием: «Российские миллионеры контролируют 70 % богатства страны». Согласно этой статье, 700 ультрабогатых семей в России контролируют свыше \$500 млрд, что составляет, по мнению журнала, треть всего богатства России. По мнению специалистов «Forbes», Россия является одним из самых ярких примеров имущественного неравенства [6].

Данные этих статей в последствии в своих речах использовали многие политики, журналисты и общественные деятели России. Однако, воз-

никает вопрос: что понимать под богатством? В конце статьи журналисты «Forbes» дают сноску на определение, согласно которому определяют богатство как «совокупную стоимость находящихся в управлении разнообразных инвестиционных активов, а также количество наличных денег. Собственный бизнес, вложения в неинвестиционную недвижимость и различные предметы роскоши при расчетах не учитываются». Данное определение было составлено аналитиками компании «BCG» (Boston Consulting Group). Тем не менее, в этой же статье журналисты «Forbes» под богатством подразумевают абсолютно всю собственность граждан, в том числе машины, квартиры и так далее, на основании этого делая выводы. То есть, определение предмета исследования дается одно, а в исследовании под этим предметом подразумевается другое. Ссылаясь на исследование «BCG», журналистам «Forbes» следовало бы сделать и аналогичный этому исследованию вывод, что значительной долей ценных бумаг в России обладают богатые семьи, а вот имущество других слоев рассредоточено и вложено в квартиры, автомобили, бизнес и прочую собственность, которой нельзя распоряжаться на фондовом рынке. Более того, исследования других западных компаний, таких как «Wealth-X», «Boston Consulting Group», международного портала «Statista» и телеканала «CNBC» по тем же показателям, дают другие представления о концентрации богатства и числе ультра-богатых семей в России и мире.

По международным данным явно видно, что наличие домохозяйств-миллионеров – не признак неравенства в стране. Так, согласно данным того доклада «Boston Consulting Group», опубликованного на сайте американского телеканала CNBC, число домохозяйств-миллионеров (в тысячах) в России составляет 242 на 2014. Опережает Россию Италия, где 291 тысяча домохозяйств-миллионеров, и Германия, где таких домохозяйств 350 тысяч. Позади России остались Франция (230 тысяч домохозяйств), Гонконг (229 тысяч), а на вершине рейтинга США с числом таких семей равным 6 906 (2014 год). Интересно, что сразу после США идет Китай с 3 613 домохозяйствами-миллионерами, Япония, где таких домохозяйств 1 125 и Великобритания, где их 731.

Известно, что существует определенная мировая классификация богатства. Богатыми считаются люди, чей капитал составляет от 100 тысяч до 1 миллиона долларов США. Причем, под капиталом понимается суммарная стоимость всего того, что приносит инвестору деньги, то есть суммарная стоимость активов (недвижимость, ценные бумаги и так далее). В эту сумму не входят относительно неликвидное имущество, предназначенное для личного пользования, то есть дома, автомобили, предметы роскоши и прочее. К очень богатым людям (HNWI) относятся те, чьи активы оцениваются в 1-30 миллионов долларов. А к ультра-богатым (UHNWI) люди с активами более 30 миллионов долларов США.

Согласно международному portalу «Statista», число лиц с активами более 30 миллионов долларов (UHNWI) в России равно 1 815. Первое ме-

сто занимает США, где число таких лиц составляет 58 855, второе – Великобритания с 5 377 тысячами ультра-богатых человек. Германия в этом рейтинге стоит на 5-м месте (4 947 ультра-богатых), а Китай на 6-м (9 555 ультра-богатых). В рейтинге мировых миллиардеров первую строчку занимает Билл Гейтс (гражданин США), чьи активы оцениваются в 75 миллиардов долларов (на начало 2016 года). Граждан России в данном рейтинге нет [8].

Бизнес-портал «Wealth-X», также рассчитывающий различное распределение мирового богатства, оценил число ультра-богатого населения в целом по Европе в 61 820 тысяч. Европейским лидером этого показателя является Германия, где число ультра-богатых граждан равно 19 095. По данным этого же портала, число ультра-богатых в США составило 69 560, тогда как в мире, по подсчетам экспертов «Wealth-X» всего их 211 тысяч. Россия в этом списке из 60 стран, стоит на 23 месте с числом ультра-богатых граждан равным 1 230, а Китай на 5-м с 11 070 ультра-богатыми [1].

Целесообразно подчеркнуть, что число богатых и ультра-богатых домохозяйств в России не столь велико, как в ведущих странах Европы, США и Китая. На основании данных различных западных источников, можно сделать вывод, что число ультра-богатых лиц выше в тех странах, где экономика развивается относительно быстрыми темпами. То есть количество ультра-богатых домохозяйств является своего рода индикатором экономического состояния страны. Таким образом, сама по себе численность миллионеров и миллиардеров в стране не несет объективной оценки неравенства. Говорить о социально-экономическом неравенстве можно только учитывая совокупность различных показателей, таких как: социальное благосостояние, количество относительно бедных и самых бедных слоев населения и различия в их доходах, среднедушевой доход, экономику страны в целом и так далее. Можно сделать вывод, что при анализе социально-экономических проблем неопределимо важна методология, актуальность данных, грамотная интерпретация показателей, учет геополитических процессов, логичность изложения информации и многое другое. Любые фактически недостоверные данные неуклонно ведут к существенному искажению информации о степени социально-экономического неравенства в стране. Зачастую, информация такого рода используется специально, чтобы создать в сознании россиян неверные представления о неравенстве и гиперболизировать другие проблемы в стране.

Список литературы:

- [1] Исследовательский бизнес-портала «Wealth-x» [Электронный ресурс]. URL.:
file:///C:/Users/%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9/Downloads/WEALTH-X_UBS_WUWR2014.pdf (дата обращения 4.05.2016)
- [2] Новостной сайт «812`online» [Электронный ресурс]. URL.:
<http://www.online812.ru/2012/04/28/002/> (дата обращения 17.04.16)
- [3] Официальный сайт «ФОМ» [Электронный ресурс]. URL.:
<http://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения: 29.09.2016)
- [4] Официальный сайт ФСГС [Электронный ресурс]. URL.:
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения 1.04.2016)
- [5] Официальный доклад «Credit Suisse» [Электронный ресурс]. URL.:
http://economics.uwo.ca/news/Davies_CreditSuisse_Oct12.pdf (дата обращения 17.04.16)
- [6] Официальный сайт «Forbes» [Электронный ресурс]. URL.:
<http://www.forbes.ru/sobytiya/82724-bcg-rossiiskie-millionery-kontroliruyut-70-bogatstva-strany> (дата обращения 17.04.16)
- [7] Российская газета [Электронный ресурс]. URL.:
<https://rg.ru/2013/09/29/kvartiri-site.html> (дата обращения 17.04.16)
- [8] Сайт международной статистики «Statista» [Электронный ресурс]. URL.:
<http://www.statista.com/statistics/204095/distribution-of-ultra-high-net-worth-individuals-for-selected-countries/> (дата обращения 5.05.2016)
- [9] Собеседник – 2014. – №29 [Электронный ресурс]. URL.:
<http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20140731-igor-chubays-nikakoypobedy-kremlya-nad-ukrainoy-ne-budet> (дата обращения 20.04.16)
- [10] Статистическая бюллетень 2012 года с сайта ФСГС [Электронный ресурс]. URL.:
http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_04/IssWWW.exe/Stg/d06/2-01.htm (дата обращения 17.04.16)
- [11] Яковлева А. Д. Последствия влияния санкций на уровень жизни российского населения. Социологический анализ//Научные записки молодых исследователей – 2016. – №3. – С. 74.
- [12] Human Development Reports/ – 2009. – С. 196 [Электронный ресурс]. URL.:
http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/269/hdr_2009_en_complete.pdf (дата обращения 01.05.2016)
- [13] Human Development Report – 2007/08 [Электронный ресурс]. URL.:
<http://hdrstats.undp.org/indicators/145.html> (дата обращения: 02.05.2016)

ВЫБОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Реймген Юлия Викторовна

*Студентка 3 курса Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации г. Москва*

Научный руководитель: доцент, к.ф.н.

А.Ю. Оборский

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается образовательная стратегия молодежи в России. Представлены результаты социологических исследования в области социологии образования и социологии молодежи. Описываются факторы, влияющие на выбор стратегии образования молодого поколения.

Ключевые слова: социология, образовательная стратегия, молодежь.

Для повышения качества жизни необходимо всесторонне подходить к решению, анализировать все факторы, влияющие на его развитие. Среди множества факторов, одним из важнейших для молодежи является образование, которое требует особого внимательного изучения и контроля.

Социологические исследования в сфере образования на сегодняшний день становятся всё больше актуальными, исследователей привлекают различные аспекты образовательной реальности. Одно из основных модификаций в образовании — признание изменения его роли в современном обществе. Важным принципом в социологии образования является глубокое и детальное изучение сферы образования. В рамках изучения образовательного пространства находятся факторы, которые влияют на структуру процесса получения образования, который рассматривается с точки зрения социологических, педагогических, психологических и экономических наук. [2, с. 33]. Когда в сфере образования работают социологи, они рассматривают как процесс, благодаря которому в обществе передаются знания и формируются ценности, нормы и стратегии, тем самым общество подготавливает молодое поколение к выполнению роли взрослого человека.

Образовательная стратегия начинает формироваться с мотивации. Следующим шагом является постановка профессиональных целей, благодаря которым осуществляется реальный выбор. Мотивация к образованию специфична, а также неоднозначна. Для того чтобы понять, какую образовательную стратегию выбирают молодые люди, нужно рассмотреть общую структуру общих жизненных целей молодежи.

Опираясь на социологические исследования, проведенные Российским гуманитарным научным фондом в 2015 году, можно сделать следующие выводы: среди жизненных целей молодежи преобладают желания получить хорошо оплачиваемую работу, стать материально обеспеченным и завести собственный бизнес. Осуществление молодежью своих жизнен-

ных целей, особенно в образовательной сфере, связано с пониманием успеха. То есть успех возможен в том случае, если есть высшее образование. Данный тезис находит подтверждение и в результатах исследования, которые показывают, что для молодежи важно получить диплом бакалавра или специалиста. На этом свое обучение треть респондентов планируют закончить. 13% готовы продолжить обучение в магистратуре, аспирантуре и докторантуре, и лишь 4,7% респондентов, скорее всего, не связывают достижение успеха в жизни с получением высокого уровня образования [3, с. 98]. Тем самым в образовательной стратегии обучение по программе бакалавриата и магистратура способствует достижению жизненных целей, а также обучение по программам бакалавриата или специалитета является той образовательной стратегией, которая больше способствует достижению жизненных целей и отвечает основным мотивам продолжения обучения в представлении современных выпускников.

После принятия решения о получении высшего образования следует выбор места обучения. В образовательной стратегии этот пункт занимает важное место. Важно отметить, что абитуриенты выбирают чаще гуманитарные университеты, предпочитая профессию экономиста и управленца. К сожалению, такой выбор идет в разрез со спросом на рынке труда, в котором больше востребованы выпускники технических специальностей. Самыми популярными и востребованными ВУЗами, по мнению рейтингового агентства ЭкспертРа в 2015 году, являлись Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М.Губкина [7]. Но популярность технических ВУЗов за последние несколько лет возросла, в частности количество иностранных студентов в технических университетах увеличилось на 8%, а в экономических ВУЗах сократилось на 9%. Более того, из топ-100 рейтинга за год технические вузы немного сократили отставание от экономических вузов по стоимости платного обучения: если в экономических средняя стоимость обучения сократилась на 1%, то в технических выросла на 8%.

Так же важным фактором при формировании образовательной стратегии является предпочтение в профессиях. Верх иерархии по привлекательности продолжают занимать профессии, ставшие в массовом молодежном сознании «культовыми» (бизнесмен, банковский работник, юрист) и преимущественно профессии высокой квалификации. Врач, журналист, инженер, безусловно, примыкают к блоку топ — профессий. Привлекательность профессии в первую очередь определяется такими характеристиками как высокий спрос на рынке труда, обеспечение материальной самостоятельности. Одновременно общегуманистические составляющие привлекательности профессии, несколько отступая на второй план, отнюдь не теряют своей значимости. Интеллигентность, высококвалифицированный труд, престиж, служение обществу как характеристики, входящие в

понятие привлекательности профессии, примыкают к характеристикам первого ряда, образуя самостоятельную ценностную шкалу оценок привлекательности, не конкурирующую, а соподчиненную ведущим характеристикам.

Изучая поведение молодежи в сфере образования, важно знать не только то, какие профессии больше привлекают молодежь, но и практический выбор профессии. По данным Министерства образования и науки, за 2014 год наибольшее число студентов было зачислено на Инженерное дело, технологии и технические науки (44 % от всех поступивших), второй областью по поступившим студентам была сфера общественных наук - 16 % от числа всех поступивших [6]. Данные подтверждают тот факт, что гуманитарные науки пользуются большим спросом, нежели технические.

Так же не стоит забывать то, что на стратегию выбора будущей профессии влияют не только психологические и социальные факторы, но также географические, климатические, экологические и культурные. Примером культурных ценностей может послужить такое понятие как династия. Бывают случаи, когда молодые люди не затрудняются в выборе и идут по стопам своих родителей, продолжают изучать область науки или сферу деятельности, в которой работали или работают родители. Таким образом, именно сознательный выбор с высоким уровнем мотивации обеспечивает не только качественное образование, но и качественную жизнь.

Список использованных источников

1. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи: учебник. М. : Норма, 2011, - 336 с.
2. Оборский А.Ю., Крутилин Д.С. Исследование качества учебного процесса и образовательной среды: опыт ведущего столичного вуза/ Право и образование. 2014. № 6. С.32-38.
3. Абрамова М.А., Константиновский Д.Л. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография]. — М.: ЦСП и М, 2015, - 230 С.
4. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы – М.: ЦСПиМ, 2011. – 296 С.
5. Попова Е.С. Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодежи. – М.: Институт социологии РАН, 2015. – 421-437 С.
6. Министерство образования и науки в РФ. Основные результаты приема в вузы в 2014 году (бакалавриат, специалитет, магистратура). 2014. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/presentations/priem214/Sobolev3.pdf>, свободный. (Дата обращения: 26.09.16)
7. Рейтинг ВУЗов / Рейтинговое агентство ЭкспертРа. 2014.- Режим доступа: http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2015/ , свободный. (Дата обращения: 26.09.16)

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЁННОГО КАК АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Швачкина Людмила Александровна

*доктор философских наук, доцент Института сферы обслуживания
и предпринимательства (филиала) Донского государственного универси-
тета в городе Шахты*

Социальная работа является элементом инфраструктуры социального государства, создавая благоприятные условия жизнедеятельности человека в различных сферах общества. Об этом достаточно подробно писали авторы статьи «Социальная работа как механизм реализации идеологии социального государства» указывая, что феномен социальной работы как профессионального вида деятельности – это установление социальной справедливости и реанимация личностной состоятельности человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации [1, с. 161]. Исходя из специфики социальной работы как профессионального вида деятельности, охват социально-профессионального взаимодействия «клиент – социальный работник» достаточно широк, а профессиональные технологии социальной работы находят своё применение во многих сферах жизнедеятельности. Одной из таких сфер является пенитенциарная система.

Успех социальной работы в пенитенциарной системе в большей части зависит от соблюдения принципов изучения личности и групп осужденных. Исходя из этого, данная проблематика является особенно актуальной в последние годы. Е.В. Чернова, рассматривая теоретико-методологические подходы к организации и содержанию деятельности специалистов по социальной работе в учреждениях пенитенциарной системы, обосновывала необходимость использования принципов социальной работы для успешной реадaptации лиц с девиантным поведением [2]. А.Б. Серых рассматривались особенности социальной работы с осужденными в уголовно-исправительной системе, исходя из особенностей деятельности социального работника в пенитенциарных учреждениях [3]. Исходя из важности исследуемой проблематики, авторы научной статьи «Некоторые аспекты профессиональной подготовки кадров для социально-педагогической работы в пенитенциарных учреждениях в контексте компетентностного подхода» изучили деятельность воспитательных служб пенитенциарных учреждений в настоящее время [4].

Исходя из этого, можно говорить о важности изучения личности осужденного в аспекте деятельности социального работника в пенитенциарном учреждении. Один из основополагающих принципов его деятельности – изучение социально-психических проявлений осужденного (или групп осужденных). О социально-психологических особенностях личности мы можем судить по внешним – объективным проявлениям, играющим роль своеобразных индикаторов. В данном случае достаточно ярким пока-

зателем являются различные виды деятельности осужденного – трудовая деятельность, досуг, общественная работа. Именно они являются средством не только проявления личности или группы осужденных, но и средством формирования личностных особенностей человека.

При изучении системы отношений осужденного к режиму, труду необходимо обращать внимание на мотивацию его деятельности. Например, изучая поведение осужденного в процессе трудовой деятельности, мы можем отметить для себя насколько они старательны, самостоятельны, инициативны; как относятся к успеху или неудаче, допускают (или нет) брак в работе и т.д. В процессе наблюдения за данной деятельностью следует выделять осужденных положительной направленности, которые задают тон в работе и берут на себя роль лидера в организации труда.

Достаточно информации об осужденном даёт его участие в групповой работе. Именно в этом виде деятельности можно установить наличие или отсутствие у заключённого чувства коллективизма, взаимопомощи; отметить, насколько тщательно им выполняются общественные обязанности и поручения; выполняет ли их он по собственной инициативе или по требованию сотрудников; объективен ли в требованиях к себе и другим осужденным; насколько важно для осужденного мнение окружающих. Как уже отмечалось, именно общественная занятость даёт возможность проследить проявление (или отсутствие) группового эгоизма и индивидуализма.

В поведении осужденного и группы находит свое выражение и отношение к сотрудникам и осуждённым. Информация о повседневном общении осуждённых между собой и по отношению к сотрудникам позволяет судить об изменениях, происходящих с самой личностью, и о тех процессах, которые можно наблюдать в формальных и неформальных группах.

Следующий, не менее важный элемент – принцип активного и целенаправленного изучения осужденного и группы. Изучение должно быть конкретным, соответствовать задачам воспитательной работы учреждения, решаемым на определенном этапе. Вся получаемая сотрудником информация об осуждённом (или группе) должна фиксироваться либо в дневнике, либо в карточке группы. В дальнейшем, данные сведения будут способствовать повышению эффективности социально-психологического и педагогического процесса ресоциализации осуждённых. Естественно, необходимо помнить о конфиденциальности полученной информации, так как неосторожной фразой можно вызвать конфликты не только внутри группы осуждённых, но и подорвать авторитет социального работника или психолога.

Следует не забывать о том, что люди не любят, когда их изучают. Они начинают вести себя скованно, неестественно, где-то даже наигранно. Данное явление получило название «эффект присутствия исследователя». В связи с этим, социальному работнику не следует открыто демонстрировать свою социальную роль исследователя, а маскировать свои действия созданием определенных искусственных ситуаций, объяснением необхо-

димости получения требуемых сведений для улучшения условий жизни, профессионального обучения.

Рассмотренный принцип влечёт за собой следующий принцип – принцип объективности в изучении и оценке личности и общностей осужденных. Задаче ресоциализации может помочь только объективный подход к изучению и оценке личности (группы, коллектива). Он должен строиться на основе достоверных показателей (критериев), которые в дальнейшем можно проверить. Объективность можно достигнуть только повседневным и планомерным изучением личности, не допуская предвзятого отношения к оценке фактов. Это даст возможность не делать поспешных и непрофессиональных выводов об осужденном (или группе).

Изучение личности или группы осужденных должно проходить только в единстве их связей и отношений, поэтому осужденного и группу нужно изучать только в коллективе и через коллектив. Т.е., изучение конкретного осужденного должно сопровождаться изучением отряда и тех групп, в которые он входит. Действительно, не зная ближайшего социального окружения осужденного и его взаимоотношений с группой, трудно сделать объективный вывод об осужденном, о том, насколько он психологически способен противостоять неблагоприятным обстоятельствам или, наоборот, поддаваться групповому давлению. В большинстве случаев, отряды осужденных «перерождаются» в ложные коллективы, скреплённые нормами, традициями и обычаями тюремной жизни.

В связи с этим, чтобы не ошибиться в выводах о личности и группе, социальному работнику необходимо использовать не один какой-то социально-психологический принцип, а комплекс мероприятий. Только тщательный подход к оценке ситуации, в которой осужденный совершил проступок, даст возможность отделить случайное от характерного в его личности. Это связано с тем, что в необычной обстановке человек может совершить нетипичный для него поступок, например, действия осуждённых с целью обратить на себя внимание воспитателей.

Именно поэтому, вышеуказанные принципы должны явиться основой исследования личности и среды осужденных. При этом следует не забывать - каждому изучению личности осуждённых предшествует составление программы исследования. Она включает в себя методологическую и процедурную части.

Задачи методологической части – определение изучаемой проблемы, объекта и предмета исследования; формулирование цели и задач исследования; характеристика используемых понятий. Эти данные дадут представление об объекте и предмете исследования; предварительное описание объекта; помогут сформулировать рабочую гипотезу.

Разделы процедурной части – план, предусматривающий этапы проведения исследования; описание методов и техники сбора данных; описание способов анализа полученных данных.

Каждый раздел процедурной части программы может включать в себя

определенный набор конкретных методик, технических приемов, рабочих документов и инструкций.

В изучении личности осужденного обычно выделяют три основных этапа.

Первый - этап адаптации (2-3 месяца). Он совпадает с прибытием осужденного в колонию и его пребыванием в карантине. В этот период социальный работник изучает его жизненный путь и отношение осужденного к окружающему. Специалист по социальной работе стремится выявить жизненные ситуации, объективные и субъективные условия, которые способствовали закреплению асоциальных мотивов его действий. Далее, специальным работником составляется предварительная характеристика и разрабатываются методы, которые могут позволить воздействовать на осужденного в целях его ресоциализации.

Следующий этап – экспериментальный. Он осуществляется с помощью опроса, наблюдения, бесед, анализа независимых характеристик, тестирования, систематического комплексного изучения, разработки программ ресоциализации.

Третий этап – реадаптация – подготовка осужденного к освобождению. Он проходит за два-три месяца до освобождения заключенного из мест лишения свободы. Социальный работник выявляет цели, жизненные позиции, планы осужденного.

Эффективность и достоверность социально-психологической диагностики осужденных достигается комплексным применением рассмотренных нами принципов. Методы практической социопсихологии позволяют изучить личность, диагностировать её. Затем, на основе полученного материала выбираются наиболее приемлемые и эффективные методы психологического воздействия, которые дадут возможность сотрудникам исправительного учреждения познать индивидуальные особенности личности осужденного. Далее, специалисты разрабатывают и реализовывают программу, направленную на ресоциализацию осужденного. Она носит комплексный характер и включает в себя как теоретические, так и эмпирические методы исследования личности.

Представим отдельные методы исследования личности осужденного, которые позволяют получить достоверную информацию при соблюдении принципа опосредованного изучения социопсихических проявлений осужденного и групп осужденных, принципа активного и целеустремленного изучения осужденного и группы, принципа объективности в изучении и оценке личности и общностей осужденных, принципа динамического изучения личности и общностей осужденных.

Наиболее ярко принцип опосредованного изучения социопсихических проявлений осужденного и групп осужденных проявляется в ходе применения такого метода, как наблюдение.

Наблюдение – целенаправленное восприятие какого-либо явления. В процессе наблюдения исследователь получает конкретный фактический

материал. Наблюдение проводится обычно по заранее намеченному плану с выделением конкретных объектов наблюдения и протоколируется.

Приведём этапы наблюдения, которые осуществляются социальным работником в исправительном учреждении – определение задач и цели наблюдения; выбор объекта, предмета и ситуации (что наблюдать); выбор способа наблюдения (как наблюдать); выбор способов регистрации наблюдаемого; обработка и интерпретация полученной информации (каков результат).

Наблюдение – это очень доступный метод, но он имеет свои недостатки, так как является довольно спорным. Дело в том, что на результаты наблюдения оказывают влияние субъективные особенности (установки, интересы, психические состояния) самого социального работника.

Помимо наблюдения, ценным источником фактологического материала об осуждённом может стать изучение продуктов деятельности осужденных – письменных, творческих и других видов работ. Они могут дать необходимые сведения об индивидуальности осужденного, о его отношении к работе и о достигнутом уровне умений и навыков в той или иной области.

Изучение документации (например, личных дел осужденных или медицинских карт) даёт возможность социальному работнику получить определенные объективные данные, которые помогут охарактеризовать осужденного как клиента социальной работы.

Далее, хотелось бы акцентировать внимание на таком методе исследования, как метод опроса – беседа, интервью, анкетирование. Беседа – самостоятельный или дополнительный метод исследования, применяемый с целью получения необходимой информации или разъяснения того, что не было достаточно ясным при наблюдении. Беседа должна проводиться по заранее намеченному плану с конкретизацией вопросов, требующих выяснения. Беседа с осужденными должна проводиться в свободной форме без записывания ответов собеседника. Последнее особенно важно, так как в ином случае социальный работник будет восприниматься как официальное лицо, а не как человек, который хочет помочь.

Разновидность беседы – интервьюирование. В данном случае социальный работник также придерживается заранее намеченных вопросов, задаваемых в определенной последовательности. Во время интервью ответы записываются открыто.

Распространенным методом массового сбора материала о заключенных является анкетирование. В последнее время данная форма опроса активно используется центрами психолого-педагогической и социальной работы исправительных учреждений. Те, кому адресованы анкеты, дают письменные ответы на вопросы. Беседу и интервью называют опросом «лицом к лицу», анкетирование – заочным опросом.

По результатам анкетирования социальный работник выявляет приоритетные направления своей дальнейшей деятельности. Результативность

беседы, интервьюирования и анкетирования во многом зависит от содержания и структуры задаваемых вопросов. План беседы, интервью и анкета – это перечень вопросов (вопросник), который формируется с учётом индивидуального портрета осуждённого.

Особую роль в исследованиях играет эксперимент – своеобразная проверка выбранного метода или приёма работы для выявления его целесообразности. Эксперимент как метод изучения осужденного позволяет изучить причинно-следственные связи в социально-психологических явлениях. Это предполагает экспериментальное моделирование социально-психологического явления и условий его протекания; активное воздействие исследователя на социально-психологическое явление; измерение отклика, результатов социально-психологического воздействия и взаимодействия; неоднократную воспроизводимость социально-психологических явлений и процессов.

Вышеизложенные методы исследования позволяют социальным работникам получить определенную информацию, которая даст возможность составить программу ресоциализации осужденного и его социальный портрет. Социальный портрет осужденного – это целостный систематизированный документ, содержащий избирательные, но достаточно комплексные сведения.

Составить социальный портрет – это значит, исходя из стоящей перед сотрудником учреждения задачи, определить социально-психологическое своеобразие конкретного лица, обращая внимание на те характеристики, которые могут быть непосредственно использованы для ее решения. В структуру социального портрета входят социально-психологические свойства лица; особенности образа жизни; особенности проведения досуга; круг общения; статус в ролевом поведении; характер принимаемых решений; конкретные поступки.

Индивидуальные социально-психологические качества заключённого выявляются с помощью различных приёмов. Так, по невербальной информации общения (мимике, жестике, темпоинтонационной особенности речи) специалист может сделать вывод о темпераменте осужденного. Содержание речи даст возможность понять его жизненные мотивы и ценностные ориентации. Лексика и характер высказываний предоставят информацию о профессиональной принадлежности; произношение – о национальности и месте постоянного или достаточно длительного проживания; татуировки, жестикация, манера ношения одежды – о криминальном опыте и статусе в преступной среде.

Однако необходимо помнить, что осужденные могут маскировать своё поведение, искусно имитировать определенные состояния. В связи с этим, знание личности осужденного необходимо при проведении социально-психологической коррекции в пенитенциарных учреждениях.

Смена социально-ролевого статуса человека в связи с арестом, предварительным следствием, судебным разбирательством, а затем отбыванием

уголовного наказания в конкретном пенитенциарном учреждении, необходимость подвергаться системе ограничений оказывают большое влияние на уровни его личностной организации. В связи с этим, нужны различные программы как мобилизующего, так и релаксирующего характеров, а также педагогический и социально-психологический тренинги.

Итак, под исследованием личности осуждённого в аспекте социальной работы понимается процесс и результат научной деятельности, которая должна быть направлена на получение новых знаний о закономерностях социального воздействия, его структуре и механизмах, содержании, принципах и социальных технологиях работы с ним. Успех социальной работы в значительной степени зависит от соблюдения принципов изучения личности и групп осужденных – основополагающих положений, на которых должно основываться социально-психологическое исследование личности и среды осужденных.

Список литературы:

1. Швачкина Л.А., Ершова И.Ф., Приходько О.Н. Социальная работа как механизм реализации идеологии социального государства // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 161–168

2. Чернова Е.В. Социальная работа в учреждениях пенитенциарной системы: теоретико-методологические подходы к организации и содержанию деятельности специалистов по социальной работе // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып.5: Психология. Социальная работа. С. 225–231.

3. Серых А.Б. Особенности профессиональной деятельности социального работника с осужденными в учреждениях пенитенциарной системы // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Выпуск № 10-2. том 8. С. 28–29.

4. Филатова О.В., Гнездилова О.Ю. Некоторые аспекты профессиональной подготовки кадров для социально-педагогической работы в пенитенциарных учреждениях в контексте компетентностного подхода // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 471–476.

ФИЛОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Буриханова Нигина Башировна

*Преподаватель французского языка
Национального Университета Узбекистана*

Аннотация: В статье анализируются гендерные исследования и понятия и существующие в них понятия “мужского” и “женского” языков, которые имеют некоторые отличительные черты. Автором рассматриваются особенности этих языков, проявляющиеся на всех уровнях исследуемых французского и английского языков.

Ключевые слова: гендер, французский и английский языки, речевое поведение.

Гендерные исследования – новое направление гуманитарного знания, находящегося сейчас в процессе становления и институционализации. В центре его внимания – социальные и культурные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах, то есть все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры. Мужественность и женственность рассматриваются, таким образом, не как природный фактор, а как концепт культуры и продукт развития общества.

В течение нескольких последних десятилетий ученые и лингвисты, активно ведут исследования по установлению взаимосвязи языка и пола. Они дали начало новому направлению языкознания – гендерной лингвистике.

Само понятие «гендер» (*gender*) известно с шестидесятых годов XX века, но широко применяться оно стало лишь в начале восьмидесятых годов. В научное описание оно введено для того, чтобы провести границу между понятием «биологический пол» (*sexus*) и социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты *мужское – женское*: разделение ролей, культурные традиции, отношение власти в связи с полом людей. Термин «гендер» призван исключить биологический детерминизм, заключенный в понятии «*sexus*» и приписывающий все социально-культурные различия, связанные с полом, универсально природным фактором.

Введение нового термина стало предпосылкой для возникновения и широкого распространения гендерных исследований. Одним из аспектов гендерных исследований в области гуманитарных наук является лингвистика, которая предполагает изучение проблемы пола в языке.

Как указывает А. В. Кирилина, Ф. Маутнер обосновывает гендерные различия в языке социальными и историческими причинами. Лингвист считал, что женщины менее образованны, поэтому они стремятся использовать иностранные слова, чтобы приукрасить свою речь, тогда как образованные мужчины их не употребляют, будучи в состоянии найти эквивалент в родном языке. По мнению автора, творческое использование языка – прерогатива мужчин, а женщины лишь способны усвоить создаваемый мужчинами язык. Возникновение «женского» языка Маутнер связывает с историческими традициями античного театра, где первоначально женские роли исполняли мужчины.

Более широкий обзор дистинктивных признаков пола в языке был изучен М. Ягелло. Его считают одним из первых лингвистов, обративших внимание на лексическую сторону в языке в аспекте мужской и женской речи. По мнению автора, женщины употребляют иную, нежели мужчины лексику, более склонны к эвфемизмам и менее – к ругательствам.

М. Ягелло полагает, что женщины консервативны и в употреблении языка. Это иллюстрируется на примере сообществ эмигрантов и иных изолированных групп, где сохраняется родной язык и одновременно усваивается новый. При этом женщины чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают новый язык. На синтаксическом уровне женщины предпочитают эллиптические конструкции и паратаксис (предложения с сочинительной связью), тогда как в речи мужчин чаще встречается гипотаксис (предложения с подчинительной связью).

Необходимо подчеркнуть, что в области гендерологии, на материале французского, русского и английского языков выявлены следующие основные тенденции:

– в сфере грамматики особенно существенных различий между женской и мужской речью не обнаружено.

Основными отличиями женской речи является:

1. Использование оценочных прилагательных. 1

2. Более частое употребление в речи модальных глаголов в прошедшем времени.

Например (англ.): – Mightn't it be the case that...?

– Мог ли это быть случай, когда...?

В английском языке использование различных модальных глаголов также существенно колеблется для мужской и женской речи. Мужчины предпочитают «can» – глагол, который выражает реальную возможность, физическое умение сделать что-либо; а женщины – глагол, выражающий вероятность выполнения действия.

3. Более частое присутствие вводных слов, выражений в женской речи, которые обозначают различную степень уверенности говорящего, ссылки на собственное или какое-либо другое мнение.

Например (фр. яз): *je pense* – я думаю, *à mon avis* – по моему мнению, *je suis sûre que* – я уверена, что, *evidemment* – очевидно, *bien sûr* – конечно.

Эти слова и выражения находятся, как правило, в позиции начала предложения.

Дж. Хомс подсчитала, что женщины в 5 раз больше мужчин используют в своей речи конструкцию: *tu sais, you know* – ты знаешь.

4. В силу более вежливого характера своей речи женщины используют средства так называемой двойной модальности (модальный глагол + наречие).

Например (англ.): – *I was wondering if you could possibly just do me a small favour.* – Не могли бы вы оказать мне небольшую любезность.

При детальном изучении речи мужчин и женщин было обнаружено, что мужчины чаще употребляют абстрактные существительные, такие как *l'infortune, l'admiration, la beauté, le bonheur, la chance, le charme, le courage...*

Кроме того, мужчины больше прибегают к использованию слов, обозначающих конкретные предметы, а именно к существительным официально-делового стиля: *un crime, les limites, le contract, l'autoroute, un dîner d'affaire...*

Но следует отметить, что женская речь характеризуется наличием существительных, относящихся к литературному стилю. К таким словам относятся: *chéri, la campagne, la comédie, la tragédie, une catastrophe, un songe, un charme, la migraine, une aventure, la pluie...*

При изучении современных гендерных исследований в различных языках выявляются особенности в области фонетики, лексики и грамматики.

Таким образом, результаты проведенных исследований различий в речевом поведении мужчин и женщин показывают, что для того, чтобы коммуникация была успешной, участникам общения следует знать гендерные различия в лингвистической реализации и учитывать их в общении.

Литература

- *Воронина О. А.* Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной; Моск. центр гендерных исслед.: Моск. высш. шк. социальных наук. – М., 2001. – 416 с.

- *Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – 252 с.

- *Мартынюк А. П., Землянский П. Н.* Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах // Язык. Сознание. Этнос. Культура. – М., 1994.

- *Aebischer V.* Les femmes et le langage: représentations sociales d'une différence. – Paris, 1985.

- *Yaguello M.* Les mots et les femmes. – Paris, 1978.

ДОКУМЕНТАЛИЗМ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В БАШКИРСКОМ РОМАНЕ

Хасанов Ришат Фаукатович

Доктор филологических наук, профессор,

Бирский филиал Башкирского

государственного

университета, г.Бирск

Стремление к фактологической достоверности, обращение к воссозданию реальных лиц и событий явилось определяющим началом образной структуры первых крупных эпических произведений в башкирской литературе. Эта сложившаяся традиция нашла продолжение и в романах последующих десятилетий. Выражением общей тенденции усиления документального начала стали романы «Кинзя» Г. Ибрагимова, «Черное нашествие», «Салават-батыр» Я. Хамматова, «Кровавый пятьдесят пятый» Г. Хусаинова, «Кречет мятежный» Р. Баимова, «Тафтиляу» Г. Хисамова, написанные в 1980-1990-е годы. В основе их художественной структуры лежат документы, в которых отражены общественно-политические, духовно-нравственные особенности изображаемых эпох. Г. Хисамов на их основе прослеживает многовековой путь башкирского народа к свободе и независимости, Я. Хамматов художественно исследует эпоху борьбы башкир со степняками, «изучая архивные, исторические материалы, воссоздает забытые страницы первого Татарского государства, находившегося в северной части Китая, впечатляющий образ императора Кирлинского, его бесстрашного военачальника – монгола Темуджина» [7, с. 105], Г. Ибрагимов и Г. Хусаинов воспроизводят эпоху башкирских восстаний середины и последней четверти XVIII века, Р. Баимов обращается к более позднему времени – началу XX века, что позволяет ему оперировать еще большим количеством документов. Но во всех случаях перед нами романисты, активно включающие в художественную ткань произведений документы эпохи, в том числе так называемые «человеческие» (дневники, письма, воспоминания...), использующие их в качестве «организатора» художественного повествования. На основе диалектического единства документального и художественного начал организована система образов романов, их сюжетно-композиционная, жанровая структура.

Наиболее ярким примером активного использования документов эпохи являются романы Г. Хусаинова и Р. Баимова.

«Кровавый пятьдесят пятый», как пишет Р. Бикбаев, - это историко-документальный роман. Своеобразие этого романа заключается в том, что история, исторические события, излагаемые автором, основываются не на полете фантазии, а на фактах и документах» [3, с. 13]. Сам писатель отмечает, что «в историческом произведении, в хронике нет места для вымысла, утопии или пустой фантазии. Если автор позволит себе что-либо подробное, это будет означать, что он изменил законам жанра и противоречит самой истории. Ничто не производит такого сильного впечатления,

как сам исторический документ» [3, с. 13]. Наглядным подтверждением этих слов является включение в сюжетно-композиционную структуру романа «Письма» Батырши императрице Елизавете Петровне. Оно служит одним из важных средств воссоздания особенностей изображаемой эпохи, характеристики главного героя, показывает его как духовного лидера мусульман, прозорливого общественного деятеля, пытающегося найти возможные пути разрешения конфликта. По своим качествам Батырша напоминает протопопа Аввакума. Их роднит преданность идее, вера, порой доходящая до фанатизма, бесстрашие, гражданское мужество, чувство собственного достоинства, непреклонность перед противником. В романе есть еще один «человеческий документ» - «письмо-воззвание» Батырши, обращенное к мусульманам. Оно также выявляет черты его характера, показывает его «изнутри».

Г. Хусаинов включает в текст множество и других документов, в одних случаях подвергая их художественной переработке, в других – почти не меняя их языка, стиля. В обоих случаях документ органично «вживается» в текст, не «смотрится» инородным телом, не нарушает художественной целостности произведения. На основе уравниваемости документального и художественного начал автор строит концепцию мира и человека, создает синтез документальной и эмоциональной, художественной достоверности. С одной стороны, сохраняется документальная точность событий, с другой - «преодолеваются» сухость, беспристрастность документа, художественно «оживляются» картины жизни.

Фактический материал в романе плотно и органично «вплетен» в словесную ткань повествования, «растворился» в ней, поэтому воспринимается не как цепь внешних событий, эпизодов, фактов, а как история характеров. Автор стремится возвыситься над их эмпирической сущностью и подчинить эстетической задаче – созданию эмоционально насыщенного эпизода или образа исторического лица. Образы Батырши и других героев стали той формой, в которую трансформированы документы, факты. В этой связи уместно привести слова Константина Федина, который так говорил о работе писателя над фактическим материалом: «Документ поет в тексте художника, растворяясь и дыша своим значением, но, не заглушая искусства, а только устраняя малейшее сомнение в подлинности исторического факта» [6, с. 180].

Несмотря на документированность образов исторических лиц, на их историческую основу, автор работает в рамках литературного (романного) жанра, а не чистой документалистики или научной биографии. На основе обобщения конкретно-исторического материала он создает социальные типы, порожденные временем, средой, обстоятельствами. Тот факт, что в романе действует Батырша, а не Габдулла Галиев (подлинное имя героя), говорит об известной доле условности образа. Еще Аристотель в своей «Поэтике» рассуждал о том, что «поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история о единичном» [1, с. 68].

Г.Хусаинов, как романист, в лице главного героя создает обобщенный образ бесстрашного борца с самодержавной властью, человека, обладавшего большим личностным, духовным потенциалом, но не сумевшего направить его в нужное русло, общественного деятеля, не совсем ясно представляющего пути и способы достижения желанной цели. Писатель «выходит» за пределы частной, «фактической» правды и на ее основе выстраивает художественную правду, которая выше, богаче правды отдельного факта, слушая.

В содержательно-формальной структуре романа «Кровавый пятьдесят пятый» нашли отражение некоторые особенности, характерные в целом для исторической прозы 80-90-х годов XX века. Одна из них – исследовательское начало, тесное переплетение собственно художественного (романного) сюжета и самостоятельных научных разысканий авторов. В силу этого повествование приобретает двуплановость: с одной стороны, традиционный сюжет, вбирающий в себя действия, поступки, взаимоотношения исторических и вымышленных лиц, события, в которых они принимают участие, с другой – линия автора с его отношением к изображаемому и осмыслением этого, с его предположениями, гипотезами, доказательствами. В этом случае речь может идти о так называемом художественном исследовании. Подобный симбиоз писателя и историка, исследователя характеризует жанровую суть романов Г. Хусаинова и Р. Баимова. Примечательно и то, что романы написаны филологами-профессорами.

При рассмотрении романов этого ряда важно разграничивать понятия «документальность» и «достоверность», «документ» и «факт». Они не тождественны, хотя и близки по смыслу. «Факт всегда был насущным хлебом литературы» [5, с. 8], - отмечал известный русский писатель С. Залыгин. Не всякое произведение, в основу которого положен действительный факт, является документальным, и не все исторические факты бывают документально зафиксированными, поэтому фактологическая достоверность произведения не означает его документальности.

В других случаях, когда документ имеет историко-познавательное значение, управляет художественным целым и приобретает формообразующую функцию, можно вести речь о документальности произведения. Таков роман Р. Баимова, посвященный Заки Валиди.

«Кречет мятежный» – пример самого разнообразного использования документа и способов его обработки: дословное или частичное воспроизведение его в виде цитат; передача его содержания в авторском изложении или восприятии персонажа; ссылка, подразумевание, косвенное упоминание о нем... В одном случае он является подтверждением авторских рассуждений, как бы логическим их завершением. В другом случае документ наталкивает писателя или героя на раздумья, вызывает поток мыслей и чувств. Отчасти это относится к главному герою. Вот он читает телеграмму секретаря Областного комитета РКП (б) Артема-Сергеева, адресованную Дзержинскому. Автор описывает сложность психологического

состояния героя, удивленного, пораженного и одновременно возмущенного содержанием документа, в котором он видит явную подтасовку фактов, беспринципность, самоуверенность и наглость его составителя, проявление неуместной, неоправданной жестокости и беспощадности по отношению к идейным оппонентам, нетерпимости к чужому мнению. В данном случае документ важен не сам по себе, а как штрих к портрету одного из представителей Советской власти.

Подобных примеров работы с документом, включения его в текст романа немало. Главному герою часто приходится знакомиться с различными резолюциями, письмами, постановлениями, докладными, телеграммами, указами, решениями и т.п. Во всех случаях писатель словно читает мысли и чувства своего героя, следит за ходом его раздумий, передает реакцию на факт, явление, его оценку. Здесь, с одной стороны, дается характеристика общественно-политической обстановки эпохи, с другой – происходит углубление во внутренний мир героя, показ его душевного состояния в разные моменты его жизни. В этом плане можно говорить о художественном, эстетическом содержании документа, о его соотнесенности с внутренним миром человека, с конкретной личностью героя.

Раскрытие эстетической значимости документа в романе осуществляется двумя способами. Часто он сам несет в себе заряд эмоциональности, экспрессивности, что вызывает ответные чувства у читателя. Порой автор или герой сопровождают цитируемый источник эмоционально оценочными комментариями, подводя к художественным обобщениям. К примеру, во второй части книги говорится о декларации о праве наций на самоопределение, приводятся основные положения соглашения между Россией и Башкортостаном, где определяются полномочия и степень самостоятельности республики. Такая «свобода» уподобляется свободе козленка, «пущенного пастись с веревкой на шее. А уж хозяин сам отмеряет длину поводка» [2, с. 354]. Это образное сравнение как нельзя лучше передает не только суть документа, но и отношение к нему автора и героев.

Образная система анализируемого романа свидетельствует о том, что она создана на основе диалектического единства документального и художественного начал. На этом принципе строится и образ главного героя. В сюжете романа отражены основные вехи его биографии, касающиеся его активной деятельности в период борьбы за национальную автономию. Это те события, факты, эпизоды жизни героя, которые отражены в воспоминаниях самого Валиди, его соратников и идейных оппонентов, в официальных документах. Все это тесно переплетается с событиями общественной жизни страны, связанными с судьбой башкирского народа, и образует горизонтальный срез в структуре повествования. Однако задача автора состояла не столько в воспроизведении биографии Заки Валиди, сколько в изображении судьбы личности, оказавшейся на гребне истории. С этим связана «вертикальная линия» повествования. Так автор идет вглубь и вширь в структуре образов, сюжета и композиции. Здесь можно говорить о

синтезе так называемых «романа-события» и «романа-судьбы», эпического и лирического начал.

«Особое качество документальной литературы,- пишет исследовательница,- в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности... Для эстетической значимости не обязателен вымысел и обязательна организация – отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преобразованных словом» [4, с. 63-64].

Если бы Р. Баимов выступал как «чистый» документалист, то в его повествовательной манере доминирующее положение заняла бы форма рассказа от третьего лица о внешних событиях, о фактах, эпизодах из личной жизни героя. Но автор не ограничивается этим, он в большей степени создает картины, исполненные психологизма, художественной выразительности и убедительности.

Еще В.Г.Белинский требовал, чтобы образы, события, все компоненты романа были проникнуты единством, целостностью, вытекающей из замысла автора, чтобы все частности, детали были подчинены общему. У Р. Баимова это единство достигается органическим слиянием исторического и вымышленного, частного и общего, умением связывать личную жизнь героев с событиями эпохи. Естественно и органично вплетены в сюжет сцены свиданий, бесед Заки Валиди с его любимой, показ их взаимоотношений. Эту черту исторических повествований Пушкин называл «романическим происшествием», которое без насилия должно входить в «историческое происшествие».

В романе реальное и созданное творческим воображением уравновешены: документально зафиксированные картины и сцены осмысливаются, оцениваются, обобщаются автором, сменяются вымышленными эпизодами. Документ лежит в основе произведения, управляет его художественной структурой, дает ощущение реальности, достоверности описываемого, и вместе с тем за редким исключением не выделяется в тексте резко.

О документальной основе романа можно говорить и обращаясь к его языку. В тексте нередко звучат слова и обороты официально-делового стиля, отражающего суть того или иного документа или события общественной жизни. Приведем характерный пример из текста. «Копии телеграммы Калинина пришли и в губревком Уфы и Оренбурга, где их встретили с большим удовлетворением. На срочно созванном заседании Уфимский губревком вынес постановление, в котором в ультимативной форме предписывалось Башревкому издать приказ с требованием безоговорочно исполнять на подведомственных ему территориях решения Уфимского губревкома и его органов на местах. Один экземпляр этого приказа предлагалось немедленно представить в Уфимский губревком. Одновременно губревком требовал, чтобы Башревком значительно увеличил в волостях количество подвод, выделяемых для нужд уфимской милиции и продотрядов» [2, с. 404]. Автор стремится не только сообщить о каком-то реальном

факте, но и передать язык того времени. Отсюда часто встречающиеся в тексте своего рода «историзмы» и «архаизмы» типа: Башревком, губком, ревком, продотряд, продкомиссар, ВЦИК, губерния... Все они, выступая как атрибуты того времени, содействуют передаче его колорита. В речи героев часто слышна общественно-политическая лексика, характеризующая их статус, социальное положение.

Проблема соотношения факта и вымысла в романе решается по принципу «золотой середины». Если с точки зрения содержания, проблематики можно увидеть некоторый перевес документальности, то на уровне стиля, с точки зрения формы ведущим становится художественное, романное начало. Такое сосуществование обогащает идейно-эстетическое содержание произведения. Порой включение в структуру романа документа, факта выполняет публицистическую и художественную задачи одновременно. Это видно в рассказе о гибели поэта Шайхзады Бабича. Здесь автор, с одной стороны, выражает свою боль, гнев и возмущение незаконным актом расправы, насилия над человеком, с другой – создает романтически приподнятый, обобщенный образ молодого поэта-патриота. В этом и в ряде других случаев реальные исторические лица подняты на высоту художественного обобщения. Так воспринимаются образы главного героя, его близкого друга Амира Карамыша, бывшего батрака, односельчанина Валиди Асылбая.

В документальной литературе важна не только историческая правда, точность, конкретность в воссоздании реальных человеческих судеб, но и глубина обобщения, типизации. Воссозданные на основе документов конкретные события, человеческие судьбы должны иметь и более широкий, обобщающий смысл, выражать авторскую концепцию, подводить к раздумьям о смысле жизни, о роли личности в истории, о свободе... В этой связи можно говорить о философичности книги Р. Баимова. Она проникнута раздумьями автора и героя о больших, важных темах быта и бытия. Конфликты, коллизии, изображенные в романе, носят не только конкретно-исторический, социальный характер, но и отражают вечные вопросы, касаются проблем общечеловеческого характера. Место и роль выдающейся личности в судьбе народа, вопросы войны и мира, добра и зла и т.п. – вот что волнует и заботит автора романа.

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957.
2. Баимов Р.Н. Кречет мятежный.- Уфа: Китап, 2002.
3. Бикбаев Р. Гайса Хусаинов. Литература и наука.- Уфа, 1998.
4. Гинзбург Л. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы.- 1970.- № 7.
5. Залыгин С. Черты документальности // Литературные заботы.- М., 1979.
6. Федин К. Собр.соч.: В 9 т.-М., 1972.- Т.9.
7. Шакур Р. Истоки героической темы // Ватандаш.- 2000.- №1.

ПРОБЛЕМА ЗНАКА И ЗНАЧЕНИЯ В ОБЩЕЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Журавлев Игнатий Владимирович

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Отдела психолингвистики Института языкознания Российской академии наук, г. Москва

В этой небольшой статье мы рассмотрим некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к предмету психологии, но в силу ряда причин остающиеся «слепым пятном» ее методологического инструментария. Хотя таких вопросов может быть много, мы, как уже сказано, ограничимся рассмотрением лишь некоторых из них, сузив их круг до вопросов, касающихся проблемы знака и значения.

Одной из принципиальных характеристик этой проблемы (и вопросов, имплицитированных в ней) является её парадоксальная незаметность для исследователя-психолога: хотя об этой проблеме все знают, но в собственной методологии её, как правило, не замечают, позволяя теоретико-методологическим лакунам, сопряженным с её существованием, спонтанно восполняться тем или иным ускользающим от рефлексии исследователя содержанием, претендующим на статус очевидности.

Попытаемся очертить круг контекстов употребления понятий «значение» и «знак» в клинической психологии. (Подчеркнём, что в основном речь будет идти об отечественной школе клинической психологии). Прежде всего, речь может идти об овладении значениями (предметными, вербальными) в ходе развития ребенка (развитие значений/понятий как форм обобщения). Далее, это проблема распада или искажения значений/понятий при различных формах патологии, проблема «отчуждения смысла» слов, предметов и т.д. Например, говорят о «расхождении между объективной реальностью и используемыми индивидом значениями» [6], о функции тестирования реальности [2; 7] и др. О проблеме знака и значения также говорят в контекстах психосоматики, психоанализа, теории неврозов, «семиотики безумия» и т.д.: здесь речь обычно идет о семиотике симптома, о симптоме как знаке, о «смысле» конверсии, ритуальных действий, бредовых убеждений и пр. Наконец, проблема знака и значения поднимается в психологии телесности и при описании «внутренней картины болезни» (болезнь как семиотическая система) [9].

В каком бы из этих контекстов ни употреблялись рассматриваемые понятия, какой бы круг явлений они ни покрывали, они остаются понятиями семиотики, а значит, само их употребление в любом, пусть даже и таком необычном для семиотики концептуальном пространстве, как пространство клинической психологии, делает исследователя, их употребляющего, наследником центральной *семиотической проблемы*, даже если сам исследователь об этом не подозревает. Это проблема соотношения означающего и означаемого. Наиболее четко её сформулировал швейцар-

ский лингвист Ф. де Соссюр, предложивший в структуре знака выделять две составляющие: если речь идёт о звучащем (слышимом) слове, то это будут «психический эквивалент звука» или «звуковое представление», с одной стороны, и обозначаемое понятие — с другой. Например, для слова «дерево» означающим является представляемая звуковая цепочка, а означаемым — понятие дерева. Означающее и означаемое вместе, в соединении друг с другом являются знаком (слово «дерево»). Таким образом, дихотомия означающего и означаемого *не совпадает* с дихотомией знака и обозначаемого им объекта. Вот что говорил об этом сам Ф. де Соссюр: «Мы называем *знаком* комбинацию понятия и акустического образа: но в ходячем употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например слово (*дерево* и т.д.). Забывают, что если *дерево* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие “дерево”, так что идея чувственной стороны подразумевает идею целого. <...> Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины “*понятие*” и “*акустический образ*” соответственно терминами “*означаемое*” и “*означающее*”; эти последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними, так и между целым и ими как частями этого целого» [8].

Если исследователь путает две указанные дихотомии, это ведет к дальнейшим недоразумениям. Приведем пример (имеющий отношение, правда, в большей степени к психопатологии, чем к патопсихологии). Психиатры, описывая состояния чувственного бреда, употребляют понятие «бред значения»: больной видит яму, выкопанную рабочими на тротуаре, и воспринимает ее как символ, как знак собственной неминуемой смерти. Типичное объяснение таких явлений состоит в следующем: объект «дан» в восприятии, а больной неправильно его «обозначает». Если считать означаемое самим объектом, то «данность» этого объекта уже нельзя проблематизировать, однако именно тут таится проблема: в ходе предметного восприятия любой объект может быть дан лишь в означенной форме, через посредство *предметного значения* как формы или образа возможных действий с объектом. Образ действий с вещью воспринимается нами в самой вещи, которая, поэтому, всегда выступает *уже* как знак (самой себя). «Бред значения», следовательно, связан не с наделением объектов неправильными значениями, а с восприятием их в искаженной форме, т.е. изменением структурных характеристик *образа мира* как системы предметных значений (здесь можно говорить о «регрессе» к комплексному мышлению, о механизме партиципации и др.).

Сложность обсуждаемой проблемы не ограничивается только путаницей дихотомий «означающее—означаемое» и «знак—объект». Существенно важен сам момент формирования знака, т.е. «встречи» означающего и означаемого как его компонентов. Поясним это на примере семиотической модели внутренней картины болезни [9]. В этой модели, построенной по

аналогии с семиотической моделью мифа [1], выделяются уровни первичного и вторичного означения. Здесь знак (означенное телесное ощущение) является ассоциацией чувственной ткани и телесного конструкта, т.е. результатом *первичного означения*. В ходе *вторичного означения* сам этот знак как означающее ассоциируется с означаемой болезнью, а результатом этой ассоциации оказывается *миф болезни* или знак второго уровня (субъективно переживаемый симптом) — например, больной не просто испытывает боль в животе или груди, а страдает от язвы или стенокардии. Мифы болезни преформированы культурой, «коллективными представлениями», принадлежностью к той или иной социальной группе. Но если знак (означенное ощущение) или миф болезни трактуются как продукт ассоциации означающего и означаемого, то сама эта ассоциация скорее принимается как данность, нежели ставится под вопрос. Ключевая для семиотики проблема — как «встречаются» означающее и означаемое — остается здесь нераскрытой.

Один из возможных путей решения этой проблемы состоит во введении в концептуальный аппарат теории таких понятий, как «схема» (И. Кант, К. Бюлер) или «внутренняя форма» (В. фон Гумбольдт, Г.Г. Шпет и др.). Мы попытаемся очертить другой возможный (для психологии) путь, для чего рассмотрим более пристально понятие чувственной ткани, введенное А.Н. Леонтьевым [4]. Речь идет о «чувственных образах», основная функция которых — придавать осознаваемому (воспринимаемому) характер объективной реальности. А.Н. Леонтьев подчеркивал, что чувственные образы в человеческом сознании *всегда означены*, но говорил о возможности отслойки значения от чувственной ткани — например, в психологическом эксперименте. По всей видимости, однако, отслойка значения — это *перестройка* значения, смещение к какому-то другому (например, более примитивному) способу категоризации, а совсем не обнаружение «самой» чувственной ткани. Если же учесть, что образ сознания никогда не есть *ставшее*, но всегда — *становящееся* [3, с. 263], то и чувственную ткань тогда можно будет определить как «работу» средств категориального «прощупывания» мира, заслоняемую от субъекта данным в сознании содержанием.

Рассмотрим пример. Слепой человек воспринимает не свою палку, а дорогу при помощи палки; хирург действует не со скальпелем, а с раной посредством скальпеля; палка или скальпель выступают здесь как «органы», которые не объективируются до тех пор, пока служат для объективации чего-то другого. Представим теперь, что слепой уткнулся палкой в стену и перестал ей двигать: восприятие немедленно прекратится, и человек не сможет понять, что перед ним стена (аналогичным образом прекращается визуальное восприятие предмета, когда прекращаются микродвижения глаз). Чтобы воспринимать, необходимо осуществлять определенную «работу», необходимо в буквальном смысле *прощупывать* реальность. Но воспринимаемым содержанием оказывается при этом не

наша «работа», а тот объект, на который эта «работа» направлена. Важно здесь то, что *форма объекта выступает как форма самой этой «работы» (форма деятельности)* и, тем самым, цементирует, упорядочивает ее. Вот мы и получили, с одной стороны, феноменальную (чувственную) ткань, а с другой — значение.

Поэтому чувственную ткань следует понимать именно как *момент* (а не элемент) сознания, как то, *в чем* (или на базе чего) существует значение. Чувственная база значения может быть различной, с чем связано, в частности, разделение предметных и вербальных значений. Но *отслойку* чувственности от значения (которая, кстати, только и делает возможным появление квазиобъектов — например, языковых знаков), в силу сказанного выше о *постоянном создании образа*, нельзя понимать буквально как открепление одной «сущности» от другой — ибо значение и не может возникать и существовать иначе, чем на базе какой-либо чувственности (значения «безразличны» к формам чувственности только в своей «надындивидуальности»). «Человек не “номинарует” чувственные образы — предметные значения есть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что опосредует само существование этих образов» [3, с. 126].

Итак, «встреча» означающего и означаемого может быть рассмотрена не как ассоциация двух разных сущностей, а как «снятие» одной сущности в другой. Например, предметное значение строится на базе сенсомоторной активности (перевод движения в действие), но в то же время «снимает» ее — и потому человек воспринимает предмет (константно), а не активность своих органов восприятия (образ инертен, он «отстает» от процесса [5]). Аналогично, вербальное значение является результатом превращения формы предметных отношений, но в то же время само служит для контроля над предметной деятельностью; в слове как бы «снята» игра предметных образов.

В данной работе мы осветили лишь некоторые аспекты проблемы знака и значения и употребления этих понятий в общей и клинической психологии. Ряд важных вопросов, включая вопрос о соотношении разных видов значений, требует более подробного рассмотрения в других публикациях.

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 616 с.
2. *Кернберг О.* Тяжелые психические расстройства. М.: Независимая фирма «Класс», 2012.
3. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003.
4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

5. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003.
6. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
7. Розум С.И. Структура значения, социальное конструирование реальности и психические расстройства (статья вторая) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. М.В. Бехтерева. 2004. №2. С. 7–8.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2004. С. 78
9. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

ВОПРОС ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕВОДА

Ширинова Раима Хакимовна

кандидат филологических наук,

доцент Национального университета Узбекистана

Аннотация

В данной статье рассматривается отображение национальной одежды в переводе на французский язык рассказов узбекского писателя Эркина Аъзама. На основе примеров анализируются переводческий стиль и мастерство переводчика.

Ключевые слова: *художественный перевод, прямой перевод, национальная одежда, национальная обувь, адекватность, прагматическое воздействие.*

В процессе перевода художественных произведений при отображении на переводящем языке свойственной какой-либо нации названий одежды, обуви и украшений от переводчика требуется достаточно большой запас знаний. Известно, что национальная одежда является одной из сторон национальной жизни, и перед переводчиком должна стоять задача не нанести ущерба отображённым в оригинале произведения национальным особенностям. Ранее при переводе некоторых произведений наблюдались случаи национализации, то есть внесения в перевод своего национального оттенка. О практической и теоретической сторонах этого вопроса высказывали различные мнения многие учёные-теоретики в своих статьях, опубликованных в научных журналах в нашей стране и за рубежом.

Ю.Пулатов в статье «О переводе новелл Мопассана» перевёл одну из фраз следующим образом: «Повернув голову, Гуливер начал слушать читающего человека в длинной одежде». Эту же фразу А.Хужаханов перевёл по-иному: «Повернув голову, Гуливер начал слушать орущего человека в длинном чапане». По поводу перевода А.Хужахановым слова «одежда» как «чапан» А.Абдуллаев справедливо высказал следующее критическое замечание: «К сожалению, эта попытка была неуспешной. Узбекский читатель, увидев в условиях Англии свойственный для народов Средней Азии чапан, может удивиться тому, что и в Англии носят чапаны» [1,122]. Переводчик должен очень осторожно подходить к особенностям языка писателя и произведения, т.к. самое хорошее произведение, попав в руки перевод-

чика, может либо возродиться, либо «погибнуть». Иногда замечательные произведения превращаются в посредственные. А между тем цель перевода – открыть не знающему языка оригинала читателю новый мир прекрасного, новую литературу, нового писателя, открыть широкому читателю дверь в мир новой эстетики.

В художественном переводе во многих случаях бросается в глаза опасная тенденция надевания «чужой» одежды представителю другой культуры. Несмотря на то, что все узбеки хорошо знают понятия *кожаный плащ* и *шуба* и всегда их так и именуют, в переводе романа «Сарсонлик-саргардонлик» («Мытарство») замена этих наименований словом «чапан» привело к изображению французского персонажа в узбекской одежде. Кроме того, одежда двух народов, которую переводчик счёл соответствующей друг другу, и самим внешним видом резко отличается друг от друга: *шуба* больше похожа на *тулуп* узбеков, и наш народ никогда не носил кожаных чапанов.

В переводах узбекских классических произведений встречаются случаи отсутствия толкований, опущения или подачи в русском варианте перевода реалий, свойственных нашей нации и не имеющих альтернативы у других народов. Эти недостатки порождают у читателей переведённых произведений недоумение по отношению к культуре и обычаям нашей нации. Как мы ранее отмечали, «... перевод выполняет функции знакомства одного народа с другим, вводящего культуру одного народа в культуру другого народа, установления прочного моста литературных связей. Раз так, посредством подачи национальных реалий в переводах художественных произведений мы ознакомим другие народы с нашей высокой национальной культурой».[2,341]

В целях анализа отображения национальной одежды в переводе на французский язык рассказа Эркина Аъзама «Влюблённое сердце Паканы» обратимся к примерам.

В оригинале:

“Одамзодга ишониб бўлмас экан. Бу оқшом хизматдошлари билан ошхўрлик қилиб, кайфи тарақ, уйга келса-Арофат *Оқ жомасини* кийиб, Пакананинг шимга дазмол босаяпти” [3,16] («Человечеству нельзя верить. В этот вечер, когда он вернулся домой сильно пьяный после посиделок с коллегами в чайхане, Арофат, надев чапан, гладила брюки Паканы»).

В переводе:

“Un soir, alors qu’il rentrait chez lui complètement ivre après un banquet avec ses collègues, il trouva Arafat en train de repasser son pantalon” [4,222]

В переводе данного контекста опущено, во-первых, то, что у узбеков есть обычай иногда собираться с друзьями в чайхане поесть плов, во-вторых, то, что Арофат была в чапане.

Следующий пример взят из романа Эркина Аъзама «Шовқин» («Шум»).

В оригинале:

“Байрамона киноанжуманларга у “миллий кўринмок” учун **ял-ял хонатлас либослару, зардўзи нимчалар** кийиб боради ” [3,27] («Чтобы выглядеть «по-национальному» она надевала на кинофестивали платья из атласа и златотканые жилеты»).

В переводе:

“Elle vas des festivals et d’hôtels en hôtels habillée **d’une robe claire faite de tissus Atlas rehaussée d’une cape traditionnelle brodée** dans la grande tradition ouzbek”. [4,26]

В переводе этого контекста переводчик правильно отобразил на французском языке национальную одежду узбекских женщин – платья из атласа и златотканые жилеты, и, добавив, что и в гости они ходят в такой же одежде, он дал полную информацию об обычаях узбекских женщин. Прочитавший данный контекст французский читатель будет иметь полное и глубокое представление об этой стороне узбекской культуры.

В следующем примере тоже дана информация о женской национальной одежде – платье из атласа. **В оригинале:**

“Юнусобод мавзеидаги кўп каватли бинолардан бирининг тўққизинчи ошёнида жойлашган хонадон эшигида бизни **ял-ял атлас либос** кийган ана шу жувон қарши олди” [5,80]. («Около двери квартиры, расположенной на девятом этаже одного из многоэтажных домов массива Юнусабад, нас встретила женщина в ярко сверкающем атласном платье»).

В переводе:

“C’est cette femme dans **une robe nationale en soie** colirée qui nous accueillit à la porte d’un appartement au neuvième étage d’un grand immeuble situé dans le quartier Yunoussabad” [4,62]

Следующий пример. **В оригинале:**

“**Янги атлас либосларда** “сахнага чикқан” “шодиёна” чи шўрликлар совукдан афти кўкариб, қалтирай-қалтирай муқом қилганида давра бир оз жонланди, чапагу олқишлар ҳам янгади” [5,59] («Когда на сцену вышли бедняжки из «Шодиёны» в новых атласных платьях и, трясаясь от холода, начали танцевать, зал немного оживился, послышались аплодисменты»).

В переводе:

“Quand le pauvres danseuses de “Shodiyona” gelées et tremblantes dans **leurs robes satin** commencèrent leur représentation, le public les accueillit chaleureusement dans un déferlement d’applaudissements” [4,62]

В переводе данного контекста переводчик выражение «**Янги атлас либосларда**» («в новых атласных платьях») перевёл на французский язык как «**leurs robes satin**», то есть «в шёлковых платьях». Часто упоминающееся в произведении выражение «атласное платье» переведено и как «**leurs robes satin**», и как «**une robe nationale en soie**», и как «**d’une robe claire faite de tissus Atlas**». Различный перевод одного и того же выражения «атласное платье» может ввести в заблуждение читателя. Считаю целесообразным дать это выражение на французском языке как «**une robe nationale**

en soie». Мы считаем, что «...национальная одежда является отображением национального колорита. Раз так, то от переводчика требуется большое мастерство в выполнении такого требования, как ненанесение ущерба национальному колориту оригинала произведения» [2,339]. Действительно, если названия национальной одежды входят в состав отображающих национальный колорит слов, то к их переводу нужно отнестись осторожно и серьёзно. Даже малейшая допущенная по невнимательности ошибка может снизить художественную ценность произведения и создать ложное представление о мастерстве писателя.

Кроме того, в произведении можно встретить отображение наименований национальной обуви. Например, **в оригинале:**

“Эртаси куни эран-қаран чорпоясини тарк этиб, гузардаги дўкандан *бир жуфт калиш* кўтариб келди.” [5,96] («На следующий день не торопясь покинув свой топчан, он принёс с базара пару калош»).

В переводе:

“Le lendemain, il alla au village et lui acheta *une paire de sabots en caoutchouc*.” [4,67]

Ещё один пример такого же содержания. **В оригинале:**

“Доцентимизнинг лоф уришича, бир замонлар дехқондан етишган, *эски чоригини* эшик тепасига осиб куйиб, муштахам мансабхонасига кирганда ҳам, чикқанда ҳам пешонасини уриб ўтадиган дўлвор давлат арбоби мана шу чорпояда ёнбошлаб чойхўрлик қилишни яхши кўрар экан”. [3,14] («Как хвастался наш доцент, в прошлые времена вышедший из крестьян один наивный государственный деятель, повесивший свои старые калоши над дверью своих апартаментов и каждый раз ударявшийся об них при входе и выходе, любил полулежать на боку на этом топчане и пить чай»).

В переводе:

“D’après une histoire racontée par notre professeur adjoint, il était une fois un brave homme qui avait été cloué une des *ses sabots* au-dessus de la porte. Pour ne pas oublier son passé, il s’y tapais le front à chaque fois qu’il entrait ou sortais de son bureau. Il aimait aussi s’asseoir sur cette soupa et y prendre le thé, appuyé sur son coude” [4]

Встречающееся в этих контекстах узбекское слово «калоши» переведено на французский язык как «*sabot*». В толковом словаре французского языка даётся следующее толкование слова **sabot** “sabot- chaussure faite d’un seul morceau de bois évidé, avec parfois une bande de cuir sur le cou-de-pied. Chausser ses sabots.”[6]. Но почему-то переводчик упустил из виду, что слову «калоши» во французском языке есть соответствующий вариант - «*galoches*». «Теория перевода обращает особое внимание отображающим национальный колорит словам, требует их идентичного отображения своеобразными для каждого народа лексическими единицами, однако во многих переводах, в частности, в «Огненных дорогах» П.Абрахамса, «Робинзоне Крузо» Д.Дефо, «Человеке-невидимке» Г. Уэллса и учёные, и

крестьяне, и полицейские, и короли, и рабы носят калоши и сапоги.» [7,265]. Французский переводовед Камилла Скайлбрэд в своём исследовании «Le transfert du culturel dans la traduction de Poisson d'or «de Le Clézio» анализирует подачу национальных лексем *galoche* и *pentouffle* в произведениях французского писателя Ле Клезю и высказывает следующую мысль: «*Les babouches sont sans quartier ou talon et ont peut-être la forme de pantouffles, mais les Marocains les portent comme on porte des chaussures en Occident. La retraduction de la solution norvégienne donne "pantouffles turques" Le traducteur garde ainsi la description de la forme des babouches, et le lecteur peut se faire une image proche de celle des lecteurs de l'original, mais leur fonction est restreinte par rapport à l'original. Ceci est cependant un détail insignifiant ici.*» [9,69]. Остановившись на вопросе отображения национальной обуви в переводе произведения Ле Клезю «Poisson d'Or» на нидерландский язык Рагнардом Хоуландом, учёный не оправдывает замены при переводе названий французской обуви названиями персидской обуви. Наряду с этим Камилла Скайлбрэд в этом произведении выражает своё отношение к неправильному отображению в переводе собственных национальному менталитету национально-культурных лексем (наименований блюд, местностей, имён собственных) и научно обосновывает свою точку зрения.

В настоящее время в переводоведении не потеряли своей актуальности и требуют научного исследования вопросы, касающиеся серьёзного отношения к проблеме отображения в художественном переводе национально-культурных слов, улучшения качества перевода. Изучение на научной основе отображения в художественном переводе слов, передающих национальный колорит, послужит основой для создания в будущем качественных переводов. «Имеется несколько факторов для обеспечения адекватности перевода. Самым важным из них является полное соответствие перевода форме и содержанию оригинала, а также проблема воссоздания в языке перевода национального колорита.»¹

Замена при переводе наименований национальной одежды, обуви, головных уборов, отражающих национальный колорит, другими наименованиями в переводящем языке, приведёт к «национализации» произведения. Каждый перевод должен быть по существу идентичен оригиналу и должен дойти до сердца читателя.

Литература:

1. Таржима санъати. - Т.,1961.- С.122.
2. Ширинова Р.Х. Таржимада миллий либосларнинг берилиши.//Замонавий тилшунослик ва таржимашуносликнинг долзарб масалалари. Рес.илмий-амалий анжуман материаллари. - Т., 2012.- С.341.
3. Ширинова Р.Х.Проблема воссоздания национального колорита при переводе//Новое слово в науке:Перспективы развития.Сбр.матер

конфр. - Чебоксары 2015.- С.289.

4. Эркин Аъзам. Пакананинг ошиқ кўнгли. - Т.,2001.- С.16.
5. Erkin A'zam. Adieu aux contes de fées. - Т.,2015.- P.222.
6. Эркин Аъзам. Шовқин. - Т., 2011.- С.27
7. Le Petit Larousse 2012. - P.,2012. Partis G.
8. Иминов А. Таржима ва лексик имкониятлар//Таржима санъати.- Т.,1973.-С.265.
9. Ибрагимов Х ва бошқалар. Французча-ўзбекча луғат. - Т.,2008. - С.515
10. Camilla Skilbred. Le transfert du culturel dans la traduction de Poisson d'or de Le Clézio. Høsten 2005. - P.69.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 001

СОЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Апаева Сабина Шабановна

магистр 2 курса

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

В статье рассматривается представление о социальном детерминизме в связи с социальным переустройством общества.

Ключевые слова: социальная детерминация, детерминация,

The article discusses the idea of social determinism in the social reconstruction of society.

Key words: determination, social determination

Прежде чем мы начнем разбирать суть статьи, давайте вспомним, то, что почти все знают, что детерминирующая роль материального фактора раскрывается путем анализа сфер общественной жизни. Общество возникло на определенном этапе эволюции природы. Оно — часть природы и вместе с тем качественно отличается от нее. Оно есть сложное структурированное целое, все элементы которого находятся в постоянном взаимодействии. В этом структурированном целом разные сферы выполняют разные функции, различающиеся по значимости для субъектов истории. Чтобы общество функционировало как целостное социальное образование, необходимо, прежде всего, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Иначе говоря, нужно постоянно и непрерывно производить материальные ценности, строить жилье, заводы, фабрики, производить пищу, одежду и т.д. Это естественный процесс исторического развития общества. Поэтому Маркс и утверждал, что способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Другими словами, экономический фактор выступает, в конечном счете, как одна из детерминант, как одна из движущих сил исторического процесса.

Таким образом, различные сферы общества варианты, и каждая из них может доминировать в конкретных исторических условиях. Экономическая сфера — это детерминанта.

Доминанты и детерминанты находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют.

Существует целый ряд разновидностей детерминистических доктрин и направлений общественной мысли. К их числу относятся: географический, биологический, религиозный, психологический, экологический, технологический, экономический, социальный и другие виды детерминизма. Таким образом, в различных теориях общественного развития асимметрично представлены те или иные виды детерминаций, или факторы, определяющим образом действующие на развитие общества.

Социальный детерминизм традиционно рассматривался в контексте проблем движущих сил истории, социальной формы движения материи, социальной причинности, законов и закономерностей общественного развития. Ядром концепции социального детерминизма было признание закономерного характера общественной жизни. При этом в литературе использовались термины «социологические законы», «законы общественного развития» и «исторические законы». Законы общества, определяя основную линию исторического развития, вместе с тем не предопределяют многообразия деятельности каждого отдельного индивида. В общественной жизни постоянно складываются различные возможности, осуществление которых во многом зависит от сознательной деятельности людей. Поэтому детерминизм не только не отрицает свободы, но напротив, предполагает способность человека к выбору мотивов и целей деятельности. Обоснование причинности проводится на базе системного подхода, рассмотрения общества в качестве системы, целостности. Однако, возникает особая методологическая позиция - индетерминизм - в которой отрицается как объективность причинно-следственных отношений, так и ценность причинных объяснений в науке. Причинное объяснение еще уместно в науках о природе, но исключается в науках об обществе, где доминирует случайность. В дальнейшем получает положительную оценку интерпретация социального детерминизма как совокупности «множества детерминизмов», которая представляется нам более продуктивной и адекватной сущности и содержания понятия «социальный детерминизм».

Применение синергетики к анализу общества позволяет заключить, что общество - это открытая система, интенсивно обменивающаяся информацией с окружающей средой и, следовательно, характеризующаяся неустойчивыми, разнообразными, неравновесными и нелинейными отношениями. Множество возможных социальных структур создается социальными бифуркациями, в роли которых выступают периодически наблюдаемые в любых обществах социальные кризисы, связанные с революционными ситуациями.

Таким образом, социальный детерминизм представляет собой множество детерминаций, определяющих общественную жизнь. Такой вывод обусловлен тем, что детерминизм - это категория, которая отражает любые однозначные или вероятностные изменения состояний системы, происходящие под воздействием любых возмущающих факторов. Рассмотренные принципы взаимосвязи, развития и причинности находят свое выражение в обобщающей философской категории «закон». Закон причины в общественной жизни действует в различных формах, с различной силой. Это и закон об определяющей роли в общественной жизни тех или иных факторов в определенных условиях, это и закон соответствия, как адекватных изменений социальной системы под воздействием определенных факторов (детерминаций). Обоснование причинности проводится на базе системного подхода, рассмотрения общества в качестве системы, которая

приобретает целостный характер, и выступает по отношению к составляющим ее элементам определяющей их причиной.

Существует множество видов социальной детерминации, которые представляют собой как внешние, так и внутренние условия развития социального организма как системы. Классификация форм и видов социальной детерминации является важной предпосылкой эффективного социального управления[1].

Гегель, как и его предшественники, исходил из духовного фактора, но он поставил этот вопрос несколько иначе. Он считал, что творцом истории является мировой разум. «Разум есть субстанция, а именно то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть бесконечная мощь... Разум есть бесконечное содержание, вся суть и истина...» [2].

Маркс к изучению истории подошел с диаметрально противоположных позиций, считая, что следует исходить не из идей, а из реальных жизненных предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только и воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»[3]. Люди в процессе совместной деятельности производят необходимые им жизненные средства, но тем самым они производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества. Материальная жизнь, материальные общественные отношения, формирующиеся в процессе производства материальных благ и существующие независимо от воли и сознания человека, детерминируют все другие формы деятельности людей — политическую, духовную, социальную и т.д. Мораль, религия, философия и другие формы общественного сознания отражают материальную жизнь общества.

И в заключение можно выделить, что детерминизм связан с положением о всеобщей взаимосвязи вещей, но не тождественен этому положению: он выражает активную сторону этой взаимосвязи. Причем весьма существенно, что при анализе действия детерминации среди взаимосвязанных явлений всегда выявляются действующие в определенном направлении факторы. Детерминизм не ограничивается лишь констатацией взаимосвязи вещей, а выявляет ее функциональную роль и ее основы. Детерминизм, как и взаимосвязь, как и движение, развитие, есть выражение имманентной, внутренней активности материи.

Цитированная литература:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1993. 607 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. М., 1993. С. 64
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 18

КРИТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

Мельниченко Анастасия Александровна

Аспирант 3 года

Г.Киев

КНУ им.Тараса ШЕвченка

Религиозные вопросы всегда были и остаются предметом публичных дискуссий, и, значит, занимают значимое место в социальном плане так же.

Религиозный человек – это тот, который основывает своё бытие на религиозных учениях, человек, безусловно, с верой в сердце и в голове.

Термин же патернализм - это социально-психологический и социокультурный феномен, в основе которого - стремление человека жить за счет поддержки и одновременно доверять обустройство собственной жизни, поступаясь при этом частью своих прав. Появляется зависимость от религиозного лидера (руководителя).

Религиозный патернализм в теоретико-правовом измерении это соотношение прав и свобод, определяемых системой взаимной заинтересованности в личности и личности в том обществе, где он находит себя защищенным, при котором объем этих прав устанавливается религиозным лидером в зависимости от степени востребованности того или иного принадлежащего лицу ресурса для поддержания ситуации власти. Религиозный патернализм (как и патернализм в общем) превращает человека не в «гражданина», а в подданного, порождая иждивенческие отношения в религиозном обществе и приучая человека к пассивному выжиданию, он ограничивает самостоятельную инициативу.

Естественно, формируясь исторически, менталитет определяет модель социального и правового поведения, соответствующую правовую культуру. Патернализм исторически был заложен в генотип мировоззренческого менталитета, обусловлен особенностями культурно-исторического развития государства и общества: Религиозное сознание – одна из систем мировоззрения, укрепляющая общество в периоды стабильности и подверженная изменениям в эпохи значительных социальных изменений. Религиозное сознание способно оказывать влияние на общество, играет активную роль в формировании духовных ценностей, мировоззрения, в сохранении традиций. Мировоззрение, нацеленное на патернализм, способствовало деформации правового сознания. Подсознательная неуверенность в своих силах и надежда на помощь «сверху», лежащие в основе патернализма, накладывались на правовой нигилизм (отрицание права как социального института) и неразвитость правовой культуры. Соответственно, чрезмерная терпимость к действиям церковной власти сочеталась с неуважением к закону как сверху, так и снизу. Ему просто, не придавалось, абсолютно никакого значения

Принуждение к самореализации, звучит вроде как, не сильно то и опасно, но, только, если это имеет для тебя значение. Ты можешь жить, даже радоваться жизни, лишь исполняя при этом легкий список действий, который тебе вручат как некую доктрину. Ты становишься неотъемлемой частью общества, где тебе всегда помогут, выслушают и даже отпустят грехи. Когда ты прибываешь в состоянии психологического кризиса, ты настроен решительно, либо его преодолеть, либо поддаться и остаться с ним навсегда. Общественность, в которую ты попадаешь, стремится предоставить профилактическую информацию, затрагивая, и акцентируя свои самые зловещие аргументы именно на твоём поведении, грехах и тому подобное. Это объединение использует, как материальные (членские взносы, пожертвования, и другие формы добровольных вкладов), так и нематериальные (молитвы, иконы, проповеди, собрание, встречи, исповеди, и тд) средства подавление свобод разумного, самодостаточного человека.

Патернализм (pater - отеческий) - система, принципы и практика государственного правления, построенного по парадигме воспитания и контроля отца над детьми в патриархальной семье. Религиозный патернализм – система, принципы и практики взращивания индивида, его контроля в психологической зависимости от религиозного лидера. В системе, религиозный патернализм рассматривает людей, как детей, т.е. таких, что нуждаются в опеке, защите, настаивая на их несамостоятельности и принудительном контроле со стороны власти. То есть, абсолютно лишая самодостаточных, разумных, высших особей на планете, разума, собственного контроля и формирования собственных идей.

Классик, который критикует систему патернализм (государственного) – является основатель либерализма Джон Локк. В том числе, Локк критикует церковь, за достаточный, тоталитарный контроль, незаконный и абсурдный. Абсолютная власть церкви, которая превращает человека не в гражданина, а в марионетку, которая играет роль винтика в системе, которую, он сам же, и понять не может, и даже косвенно не принимает в ней участия.

Наблюдаем мифологизацию власти церкви. Мировоззрение, нацеленное на религиозный патернализм, способствует деформации правового сознания человека. То есть, он как губка впитывает в себя информацию, получается о себе же. И принимает, это как некую доктрину собственной жизни. Он нацелен пройти эту жизнь, стараясь угодить, кому-то (кого он даже не видел, и материально, не обоснован), при этом же, вербуя потенциальных, психологически зависимых людей.

Религиозный патернализм, как элемент культуры и правового менталитета в рамках своего же законодательства, отражает «социальную заданность» человеческих прав и свобод, фиксирует это в своих основных, исходных понятиях — нормативность, регулятивность, общеобязательность, и их обеспеченность силой и авторитетом религиозного лидера. Это

специфический исторический опыт, запечатленный в материальном мире, и закреплён в нематериальных понятиях.

Критика религиозного патернализма, является одним из основным лейтмотивом либеральной социальной этики. В либеральной мысли различные аргументы против власти церкви, находят отклик в работах, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтеск'е, Ж. В пользу своих идей, эмпирики-либералисты приводят несколько основных аргументов. Во-первых, это теория врожденных идей. Эмпирики, настаивают на термине «*tabula rasa*» - чистая доска.

Говоря, о том, что человек, не рождается с навыками и идеями в голове, а накапливает это все на протяжении всей жизни, непосредственно собственным, и не только, опытом.

Во-вторых, возникновение и становление «общественного договора» - как основы государства и гражданского общества. Гражданское общество возникает, по согласию, и понимаю граждан, в необходимости господства права и правовых норм. Каждый человек обладает уникальным жизненным опытом, и этот опыт неизбежно отражается на его фундаментальных мировоззренческих установках. Люди пришли к понимаю, что им необходимо рационально все взвесит, и разрешить государственному руководителю (которого они же и выбирают) руководить ими, за для блага и защиты их интересов, прав, свобод и собственности. В-третьих, внедрение публично одобренной концепции «общественного договора» делает возможным процесс индивидуального самоопределения в сфере ценностей и образов жизни - "жизненные эксперименты", используя терминологию одного из отцов-основателей либерализма Дж. С. Милля.

С точки зрения сторонников либеральной нейтральности государства единственной легитимной основой для принуждения служит пресечение действий, которые приносят точно идентифицируемый вред или ущерб третьим лицам. Они опираются на "принцип вреда", сформулированный Дж. С. Миллем: "каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, - личное же благо самого индивидуума... не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие".

Так же в защиту критики религиозного патернализма, относят и значение роли науки в Новое время.

Происходит полная секуляризация науки. Синтез науки с религией, веры с разумом — невозможен. Никакие авторитеты не признаются, кроме авторитета самого разума (Т. Гоббс). Выдвижение науки в ранг важнейшего занятия человечества. Именно она способна обогатить человечество, избавить его от бед и страданий, поднять общество на новый этап развития, обеспечить общественный прогресс (Ф. Бэкон). Развитие наук и конечное подчинение человеком природы возможно тогда, когда будет сформирован

главный метод мышления, метод «чистого» разума, способный действовать во всех науках. (Р. Декарт). Теория познания становится центром философии Нового времени. «Social contract» - общественный договор – высшая степень разума человека, как сверх (над) существа, который контролирует себя, передаёт полномочия этого контроля другому, контролируя при это сам его же.

В конце, хочется сказать, что роль церкви и религиозного патернализма, как такового, в мировоззрении человечества, нереально важна. Но, все же, становление и критика религиозной системы, религиозного патернализма, открыла ту эпоху человечества, подарив ему свободу, возможность к развитию, познанию мира вокруг, и вовлеченность в собственную жизнь.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМЕ ВРЕМЕНИ.

Сайдакова Елена Александровна.

учитель обществознания, МБОУ лицей «Технический», г.о. Самара.

Существует мнение, что феноменологический подход исключает всякое историческое толкование и не может быть методом для решения проблем исторического взгляда. Однако именно феноменология представляет специфическое воззрение на историю в целом. Ни случайно В. Дильтей говорил, что Кантовские критики стоило бы дописать «Критикой исторического разума», т.к. «исторический разум точно так же нуждается в оправдании»[4,с.268]. Это стремление было, пожалуй, прологом к феноменологическому анализу историзма. Однако сам Дильтей ограничивается лишь постановкой вопроса об истории, который мы читаем в словах Х.- Г. Гадамера: «Каким образом опыт индивида и его познание поднимаются до уровня исторического опыта?» [4,с.271].

Феноменология, пожалуй, ближе всего подходит к вопросу о символичности времени и истории в частности. Обращение к непосредственному анализу индивидуального опыта позволяет наиболее ясно представить, каким образом возникает смысл и значения у исторического процесса. Задача феноменологии состоит в том, что бы описывать не события и факты, а правила интерпретации субъектом всего прошлого опыта. Вопрос об истории феноменология рассматривает, прежде всего, как возможность интерпретации субъекта. Наиболее ярко вопрос о феноменологическом взгляде на историю сформулирован Л. Ландгребе: «Каковы трансцендентальные условия возможности такого предмета как существующая для нас история, которая, в свою очередь, может быть также объектом научного исследования?» [3,с.103]. Сама возможность истории требует указания на фундаментальные структуры сознания, которые и являются фактором, обуславливающим специфический человеческий опыт, называемый историей. Феноменология избегает натурализма и объективизации истории, ко-

торая бы исключала интересы индивидуального существования. Объективизация исторического процесса не позволяет решать проблему превращения индивидуального жизненного опыта в исторический и наоборот.

Феноменология критикует объективизм и натурализм в философии вообще и в понимании истории, в частности. Именно эти концепции порождают обезличенность истории. Исторический процесс сравнивается с исчисляемой и калькулируемой прямой числового ряда. Феноменология говорит, что такой объективный подход приводит к тому, что историк, исследователь становится как бы вне исторического процесса. Он придает фактам однозначный смысл и нередко начинает прогнозировать будущие события, исходя из смысла, приписываемого прошлому. Такая опасность, замеченная в объективистском воззрении на историю, породила иное отношение к этому явлению в феноменологии.

Трансцендентальная философия Э. Гуссерля предполагает критику традиционных философских понятий и задается вопросом об уместности их употребления для объяснения нашего опыта. В противоположность догматизму трансцендентальная феноменология рассматривалась как критика. А проблема истории должна была преобразиться в проблему реальности, жизни.

Феноменология Гуссерля – это процесс интерпретации феноменов, которые даются сознанию с различной степенью очевидности. Определение модуса сознания, который дает возможным доступ к определенному рода смыслам и значениям, одна из задач феноменологии. Что бы понять феноменальную данность нашего переживания истории, предлагается раскрыть условия возможности самого переживания и выяснить «каким образом опыт индивида... поднимается до уровня исторического опыта» [4,с.268].

В феноменологии Гуссерля прослеживается связь времени и интенционального акта. Поскольку наше сознание представляет собой некий непрерывный интенциональный поток, оно существует в некоем контексте очевидности, к совпадению с которым стремится. Однако сознание всегда находится лишь в приближении к очевидности, всегда довольствуясь не полным с ней совпадением.

Любой интенциональный акт обладает актуальностью во времени. Темпоральность охватывает два аспекта сознания – возможность создания некоего объективного процесса истории и нахождение связей с этим процессом, а с другой стороны - не возможность определить объект в его абсолютной данности.

Феноменология представляет собой процесс «универсальной саморефлексии человечества» [1,с.43]. Задача феноменологии заключается в выявлении сущностной структуры сознания, как структуры интенциональных бесконечностей. Феноменологический анализ определяет проблему трансцендентального конструирования существующей действительности и позволяет выявить некий полюс, противостоящий объективности, который

представляет собой, согласно Гуссерлю, персональное Ego. Другой полюс представляет собой мир, как горизонт актуальных и возможных значений. Каждая попытка Ego схватить значение предмета, принадлежащего миру есть ни что иное, как приобретение нового и постоянного свойства Ego. Наделение объектов, существующих объективно значимостью – это конституированная деятельность Ego.

Ego может быть названо «абсолютным фактом», но оно не создает фактичности мира. Скорее, оно является возможностью доступности мира, как сферы абсолютной данности. Трансцендентальное Ego – это выражение субъективности и оно представляет собой некий идеальный предел постоянных интенциональных актов. В многообразии актов сознания индивида сокрыта трансцендентальная субъективность, которая и позволяет нам говорить о внутренней взаимосвязи актов сознания.

Мы можем заметить, что феноменология не разделяет трансцендентальное и эмпирическое сознание. Сознание трансцендентальное субъективность является основой для понимания исторического процесса. Исторический опыт, переживаемый в его смысловом единстве, представляет собой акт сознания. Именно трансцендентальная субъективность позволяет нам организовать исторический опыт в единое целое, поскольку является условием возможности истории и личной жизни. Однако, эмпирическое Ego не может собирать все многообразие смыслов культурно – исторического мира, которому оно принадлежит. Каким образом эти значения осознаются индивидом? Гуссерль для ответа на этот вопрос говорит о понятии интерсубъективности.

Мир, осознаваемый личностью, представляет собой не только совокупность вещей, но и других личностей. «Разница между мной и другими личностями, - пишет Гуссерль, - конституируется как различимость в пределах моего Ego» [2,с.64]. Поскольку человек может лишь частично составлять мир, то другие дают возможность достраивать то, чего не достает в собственном опыте. Коммуникация позволяет получать косвенный доступ к миру – как - его - видят – другие. Горизонт собственного мира сливается с перспективой мира целого сообщества, состоящего из таких же атомарных субъектов. Акты коммуникации конституируют единый идентичный мир. Этот интенциональный поток имеет телеологическую организацию и общие для всех субъектов интенциональные значения. Всякое эмпирическое «Я» имеет, по Гуссерлю свою внутреннюю историчность, которая является условием соотнесения каждой личности друг с другом. История страны или человечества являются вторичным по отношению к «внутренней историчности» личности. История имеет свои смыслы и значения только в силу того, что она переживается людьми и наделяется особыми смыслами.

Историческое событие переживается и наполняется смыслом, трансформируется и зависит от того, каким образом члены общества переживают историю. Феноменологическая историческая теория руководствуется,

прежде всего, интересами каждого индивида. Как пишет Л.Ландгребе: «Внутренняя историчность является априорной структурой, на особом базисе которой для нас существует одна история» [3,с.106]. Внутренняя историчность представляет собой специфическое единство истории. Почему же мир представляется нам в своей целостности, если переживается он посредством множества единичных интенциональных актов? Каждый последующий интенциональный акт находится в связи с предыдущим и зависит от него таким образом, что является условием возможности для последующего. Обращает на себя внимание интерпретация настоящего, только оно в большей мере является основой интенции. А Ego находит себя в точке «здесь» и «теперь». Гуссерль говорит, что исторически первым является именно наше настоящее, как точка отсчета. Любой интенциональный акт выхватывает из исторического горизонта то, что ему контекстуально близко, поэтому настоящее трансформирует горизонт в процессе текучести. Личная биография отдельного индивида связана с присутствием других и с процессом коммуникации, она не мыслима без истории. Любое общество обладает внутренней историчностью, которая формируется в единстве интенциональной жизни.

Живое настоящее отдельного индивида не может быть замещено чьим – то чужим, поскольку каждый имеет временную и пространственную определенность, однако все мы проживаем в едином историческом горизонте.

История, как событийность определяет контекстуальное единство настоящего и переживаемого окружающего мира. Поэтому Гуссерль считает, что «окружающий нас мир – это духовное явление нашей личной и исторической жизни» [5,с.102]. То, что мы называем «великими историческими событиями» и есть наш генетически общий импульс, объединяющий нас в настоящем. Историческая событийность является определяющим фактором для настоящего. Так рождение Христа – это определяющий фактор исторической соотнесенности для европейского мышления, поскольку именно это событие является духовным импульсом, задающим единый хронотоп. Это событие может быть рассмотрено как общее достояние, поскольку объединяет все европейские нации в единое целое.

Магомед, Христос, Маркс или Ганди, Великий потоп или Великий Октябрь – эти события, являясь значимыми, создают определенные смысловые контексты и выступают основанием для определенных сообществ. Они создают условия возможности единого потока интенциональной жизни. Они становятся фактами нашего сознания и приобретают статус нашего настоящего. Любое иное событие может отбросить их на периферию нашего исторического горизонта и перевести их в пассивное содержание нашего исторического сознания.

Различные теории и идеи являются приобретенными импульсами нашего исторического сознания. Они могут играть роль смысловых кон-

текстов и вызывать актуализацию наших интенциональных переживаний. «Идеи, скрывающие в себе интенциональные бесконечности, представляют собой нечто иное, чем реальные вещи в пространстве, которые, вступая в поле человеческого опыта, тем самым не становятся значимыми для человека как личности» [5, с.104].

Человеческий разум в состоянии интерпретировать идеи до бесконечности, тем самым актуализируя такие элементы, которые до этого находились в пассиве. На этом свойстве человеческого сознания строится возникновение любой более или менее значимой культурно – исторической парадигмы. Наиболее ярким примером этого может служить использование Гитлером свастики, как древнего символа, означающего энергию и власть. На протяжении всей истории люди часто обращаются к древним символам, наполняя их новым содержанием и актуализируя скрытое до определенного момента значение, тем самым они обогащают символ, наполняя его новым содержанием.

Определяющим для актуализации будет процесс присвоения значимого содержания. Сознание субъекта, интерпретируя идеи, присваивает их, стараясь сохранить собственную идентичность. Каждый интенциональный акт Его, который схватывает значение предмета, является приобретением «нового постоянного свойства». Таким образом, конечный мир, растворяется в бесконечности приобретаемых смыслов и значений.

Феноменология Гуссерля была настоящей сенсацией XX века. Ведь данная философская традиция позволяла по-новому взглянуть на основные категории философии. Именно поэтому, наверное, М. Хайдеггер, философ, который фундаментальным образом исследовал категории времени и бытия, работает в русле феноменологии, продолжая развивать идеи своего учителя.

Философия М. Хайдеггера в большей мере обращается к пониманию категорий времени и бытия через их соотношенность с субъектом. Если раньше принято было говорить о том, что человек живет в пространстве и времени, то Хайдеггер говорит о соотношенности понятия пространства с человеком. Физическое пространство не играет роли в рассуждениях о человеке, ведь ему присуще только его, экзистенциальное жизненное пространство, которое специфицируется определением «вот». Тогда «вот-бытие» представляет нам не что иное, как бытие человека, которое невозможно без истории и культуры, а значит и времени.

Именно поэтому «вот-бытие» - это термин, который характеризует место человека в истории. Бытие человека темпорально, а значит, должно определяться только через соотношенность с категорией времени. В работе «Пролегомены к феноменологии истории и природы» Хайдеггер объясняет специфический подход к феномену истории. Современный человек смотрит на понятие истории через призму науки, которая ее изучает. Именно поэтому мы можем задаваться вопросом: «А видим ли мы собственно историческую действительность, или имеем дело только с историей, как спо-

собностью воззрения на отдельные факты?» Феноменология должна дать возможность раскрытия природы истории, какова она есть без обращения к ней науки. Что дает нам обращение к до-научному опыту? Специфичность подхода феноменолога, состоит в попытке приблизиться к явлению, перескочив науку о нем. Исторические науки переживают кризис, ведь они пытаются определить природу самой исторической действительности. Определение понятия времени – это возможность выявить истинную природу истории, поскольку именно время является предшествующим понятием.

«Поначалу этот путь кажется странным, или, во всяком случае, окольным, однако это впечатление исчезает, как только мы хотя бы самым поверхностным образом вспомним, что историческая действительность, суть процессы, протекающие во времени» [8].

Фундаментальной работой М. Хайдеггера является его произведение «Бытие и время», в котором он обращается к онтологической проблематике и постулирует открытость бытия во времени. Надо сказать, что этот труд принес ему заслуженную известность и послужил определяющим моментом возвращения философской мысли к онтологии. В рамках нашей статьи мы обращаемся к этому произведению, что бы показать новый взгляд на категорию времени, который возникает из онтологии Хайдеггера.

Категория времени предстает в непосредственной связи с определением бытия, более того вся онтология Хайдеггера строится на времени. «Бытие уловимо всегда лишь в виду времени» [7,с.35] - говорит философ и определяет время как критерий для определения границ сущего. Именно время, по мысли автора позволяет нам дифференцировать сущее на процессы исторические и природные и «невременные» отношения, а именно пространственные и числовые соотношения. Пожалуй, впервые мы видим такое разграничение времени и пространства, которое позволяет нам увидеть онтологический статус времени, как понятия, определяющего бытие.

Время является и категорией наполняющей смыслом существование человека, а точнее определяющее его экзистенцию в мире, поскольку сам «мир, ни наличен, ни подручен, но временит во временности. Он «присутствует»...» [7,с.409].

Время определяется Хайдеггером, как «онтологический смысл заботы». Это позволяет ему добиться феноменологического осмысления бытия и определения смысла сущего. « Когда мы говорим: сущее «имеет смысл», то это значит, оно стало доступно в его бытии, которое прежде всего, брошенное на свое на-что, «собственно» «имеет смысл». Сущее имеет смысл лишь поскольку оно, заранее разомкнутое как бытие, становится понятно в наброске бытия, т.е. из его на-что. Первый набросок понимания бытия «задает» смысл. Вопрос о смысле бытия сущего делает темой на-что бытийного понимания, лежащего в основе всякого бытия сущего» [7,с.365]. Показательно, что Хайдеггер в своем произведении рассматривает не сам

феномен времени, а понятие «временность», как свойство человеческого бытия.

Говоря о временности и проблеме трансценденции мира, Хайдеггер обращается к вопросу о статусе понятий прошлого, настоящего и будущего. «Понятия будущего, прошлого и настоящего возникли ближайшим образом из несобственного понимания времени» [7,с.367]. По его мысли, принятое деление времени и концепция интерпретаций прошлого, настоящего и будущего, а также понятий субъективного и объективного, трансцендентного времени не отвечают требованиям, которые можно применить к категориям философии, т.к. они не определяют онтологический статус времени. Хайдеггер говорит о целостности временности. «Единство горизонтальных схем настоящего, бывшести и актуальности основано в экстатическом единстве временности» [7,с.409]. Таким образом, определяется решение проблемы временности в трансценденции мира.

Характеризуя временность и историю, Хайдеггер определяет последовательность человеческой жизни, как череду переживаний. «В этом последовании переживаний «действительно» всегда оказывается «собственно» лишь переживание, наличное в «конкретном теперь». Прошлые и лишь наступающие переживания напротив уже не, соотв. Еще не «действительны». Присутствие отмеривает отведенное ему временное протяжение между обеими границами таким образом, что, «действительное» всякий раз лишь в теперь, оно как бы пропрыгивает через последовательные теперь своего «времени». Поэтому говорят, что присутствие «временно» [7,с.418].

Историчность определяется присутствием, при чем «историчен не безмирный субъект, а сущее, которое экзистировало как бытие-в мире. Событие истории есть событие бытия-в-мире» [7,с.434]. Историчность мира сама по себе относится к временению и возможна при экстатично-горизонтальной временности. Хотя и природа исторична, но сущностные черты истории могут быть поняты только из внутреннего определения мира и души. «Исторический мир фактично есть лишь мир внутримирного сущего» [7,с.434].

Итак, сущее выражается во времени, и этот тезис помогает Хайдеггеру объединять понятия истории, времени и человеческого присутствия, как феномены, обладающие одним общим признаком, а именно «временностью». Он так же устанавливает взаимосвязь бытия, временности и речи, языка, который позволяет ему выразить бытие через выговоренность.

«Что дает повод назвать рядом время и бытие? Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня значит то же. Что присутствие. Из присутствия, присутствования звучит настоящее. Последнее...образует с прошлым и будущим характеристику времени. Бытие как присутствие определяется временем» [7,с.392]. Так Хайдеггер пытается определить взаимосвязь времени и бытия в своем докладе. Именно попыткой определения места времени и бытия в языке. Ограничивая все возможные способы интерпретаций понятий, и вводя определения для времени и

бытия, Хайдеггер пытается пройти путем поиска для более точного понимания этих феноменов. Стиль его изложения напоминает последовательное восхождение к смыслу, чем дальше мы следуем за его мыслью, тем, в большей степени становимся захвачены этим движением.

Мы видим основное, и характерное качество времени – его закреплённость в языковых формах, которая позволяет нам найти глубинные смыслы этого феномена.

Список литературы:

1. Gogel R.E. Quest for Measure., N.Y., Peter Lang, 1987 P. 43
2. Husserl E. Cartesian Meditations, Nijhoff, the Hague, 1969 p.64
3. Landgrebe L. Phenomenology as Transcendental Theory of History//Husserl. Exposition P.106
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., Прогресс, 1988
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. Вопросы философии, №3, 1986. С. 102
6. Люббе Г. Историческая идентичность. Вопросы философии.— 1994.— №4.— С. 108—113
7. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: «Наука», 2002. -460 стр.
8. Хайдеггер М. Прологомены к феноменологии истории и природы
URL <http://elenakosilova.narod.ru/studia/prolegomena0.htm>